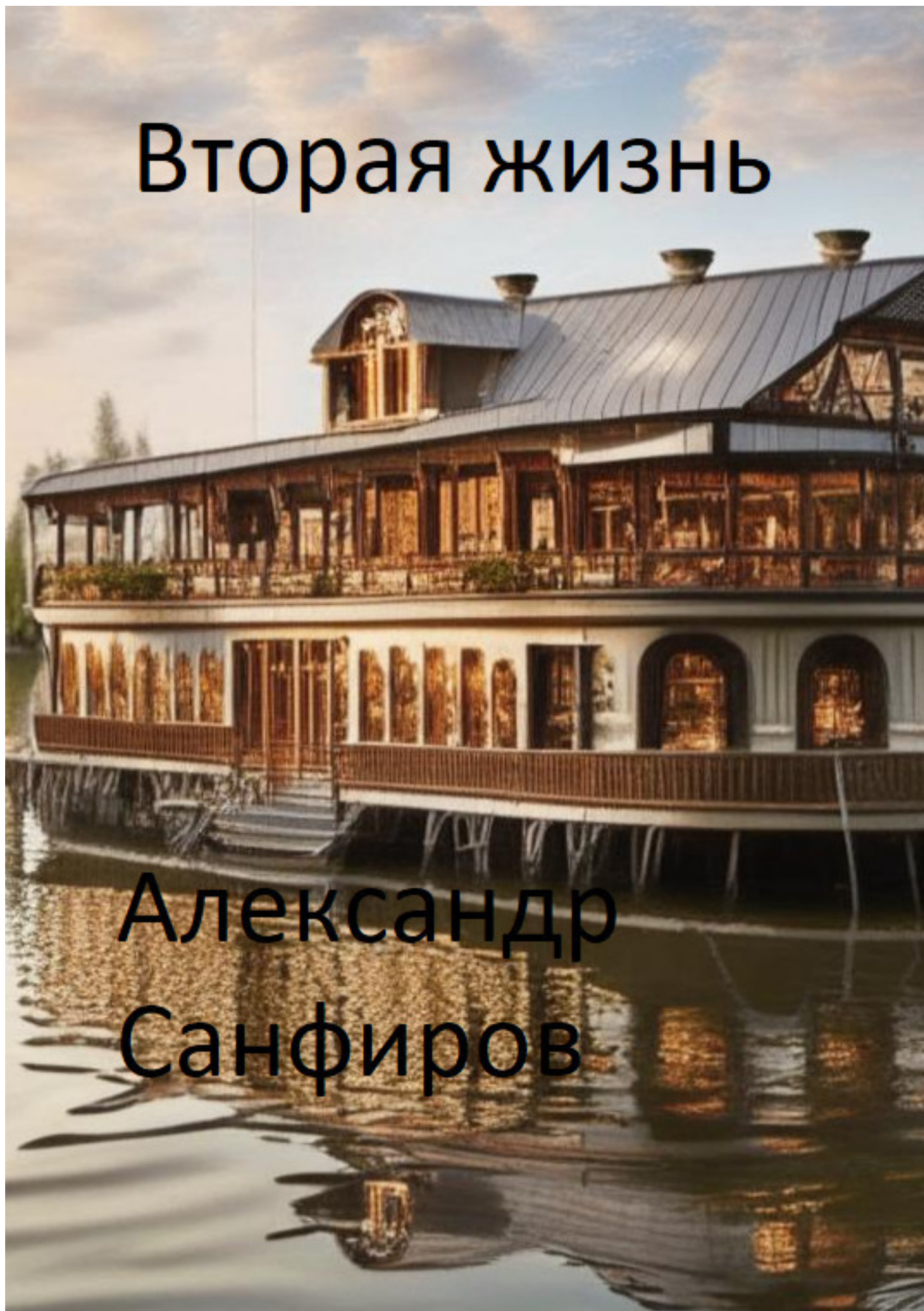

Вторая жизнь

Александр
Санфиоров

Александр Санфиров

Вторая жизнь

«Автор»

2018

УДК 821.161.1-312.9

Санфиров А. Ю.

Вторая жизнь / А. Ю. Санфиров — «Автор», 2018

ISBN 978-5-17-110337-8

Попасть снова в свою юность, зная будущее, заветная и несбыточная мечта многих и многих людей. Исправить свои ошибки, сделать карьеру, заработать много денег. Или просто путешествовать по миру, удивляясь его многообразию. И чудо свершилось. На восьмом десятке жизни, умерев на зимней рыбалке, герой обнаруживает себя в теле десятиклассника. И вроде бы перед ним сейчас открыты все пути и дороги, о которых мечталось вечерами в старости перед тлеющими в камине углями. Но жизнь есть жизнь, и в ней не всегда получается так, как хотелось, даже если ты знаешь свое будущее и будущее своей страны.

УДК 821.161.1-312.9

ISBN 978-5-17-110337-8

© Санфиров А. Ю., 2018

© Автор, 2018

Александр Юрьевич Санфи́ров

Вторая жизнь

© Александр Санфи́ров, 2018

Сторожок на удочке не шевелился почти полчаса.

– Нет, хорош сидеть! – подумал я. – Клева, похоже, больше не будет.

Смотав удочку, кинул ее в шарабан вместе с черпаком и несколькими хилыми окушками. Коловорот привязал к багажнику. Усевшись в седло, завел снегоход и поехал к чернеющему вдалеке берегу.

Около подозрительной трещины резко сбавил скорость и начал искать место для переправы. К старому следу ехать желания не было, и я решительно двинулся вперед. Треск льда пугающе ударил по ушам, а снегоход, вырвавшись из-под задницы, исчез в глубине. Как ни странно, паники не было. Я лихорадочно дергал молнию, стараясь снять куртку. Быстро тяжелевшие сапоги тянули вниз. Подплыв к краю промоины, вцепился в лед, выдернул себя до пояса из воды и облегченно вздохнул. Но в этот момент невыносимая боль в левой половине груди заставила потерять сознание, и наступила тьма.

Сколько она длилась, неизвестно. Казалось, я завис в безвременье. Затем понемногу стало светлеть, в ушах, привыкших к тишине, болью отдалось щебетание птиц и шум ветра.

Открыв глаза, понял, что гляжу в ясное синее небо с редкими белыми облаками.

– Что за чертовщина?! – пронеслось в голове. Вскочив на ноги, обнаружил, что стою на расстеленном на траве покрывале, а с него на меня удивленно глядит мой школьный приятель Вовка Третьяков.

– Ничего себе! – мысленно воскликнул я и шлепнулся рядом с ним. Неожиданно ослабевшие ноги не держали. Сердце судорожно бухало в груди.

– Саня, ты чего вскочил? – спросил приятель. – Так храпел классно. Приснилось что-нибудь?

– Приснилось, – неожиданно осипшим голосом сообщил я. Оглядевшись, взял в руки лежавший под боком учебник физики за десятый класс.

«Черт, что вообще происходит?» – думал я, машинально перелистывая страницы. Только что тонул среди зимы, а сейчас лето и я с Вовкой учу физику.

Третьяков, посмотрев на меня, отвернулся и вновь задремал. Я положил учебник и встал.

Все правильно, мы загорали в нашем любимом месте у Неглинки. Закрытое от ветра кособором, оно всегда рано прогревалось солнцем.

Задумавшись, машинально зашагал в сторону речки.

– Ты куда? – пришел к жизни приятель.

– Пойду прогуляюсь, может, скупнусь, – сообщил я.

– С ума не сходи, – крикнул Вовка. – Вода холоднющая.

Я же шел, прислушиваясь к своему организму.

Господи! У меня ничего не болело! Спина и колени не скрипели!

Появившаяся эйфория заставила разбежаться и сделать два сальто вперед. На втором проскользнул рукой на влажной траве и с хеканьем рухнул на мягкую землю.

После этого залез в мелкую речушку и уселся в воду между камней, заливаясь истерическим смехом.

Третьяков встал и, выйдя на берег, тревожно спросил:

– Сашка, у тебя все в порядке, ты на солнце не перегрелся?

– В порядке, Вовка, даже не представляешь, в каком, – продолжая смеяться, ответил я, глядя на своего умершего друга. Последний раз я видел его лежащим в гробу четыре года назад. А сейчас он живой и здоровый стоит передо мной, ему семнадцать лет, как и мне, на

дворе 1968 год, и еще ничего не решено, вся жизнь впереди, хотя, не исключено, что это мои предсмертные видения.

– Хватит дурью маяться, – буркнул приятель. – Давай физику учить, нам еще шпоры писать надо.

Я выбрался из воды, эйфория исчезла, и меня била крупная дрожь. Вода действительно была ледяная.

Схватив покрывало, начал энергично растираться.

– Не, Володя, все, учить физику не буду, ну ее к монаху, – сообщил я другу. – Зачем мучиться, сдам и так.

Хоть арабы и советуют никогда не жалеть о прошлом, я всегда о нем жалел. Возвращаясь к прошедшим событиям, вновь и вновь пытался их переиграть, поступить по-другому. И если сейчас неизвестная сила подарила такую возможность, то кто я такой, чтобы от нее отказаться.

В этот раз проживу совершенно другую жизнь!

Под взглядом озадаченного приятеля оделся, засунул учебник и термос в рюкзак, после чего сообщил:

– Слушай, я тут кое-что вспомнил. Мне надо срочно уйти. Ты оставайся, загорай.

– Да ну нах... – воскликнул Вовка. – Мне тут одному тоскевич. Я тоже, пожалуй, пойду.

Мы поднялись на косогор и пошли по узкой тропке в сторону города. Наверху задувал холодный ветер, и нам пришлось прибавить шаг, чтобы не мерзнуть.

– Прохладный нынче июнь, – сообщил Вовка, надевая футболку.

– Все лето такое будет, – ответил я. Третьяков недоверчиво посмотрел на меня, но ничего не сказал. Вскоре он свернул в сторону своего дома, дальше я пошел один.

Несмотря на прошедшие пятьдесят лет, память не подвела, я помнил каждый изгиб неприметной тропки и уверенно вышел к домам, стоявшим на краю леса.

Во дворе играли малыши. На конечной остановке автобуса толпился народ.

Я быстро поднялся на третий этаж, снял с шеи висевший на веревочке ключ, открыл знакомую дверь. Она была совсем не такой, какой я ее видел в последний раз в 2017 году. Время еще не изменило ее.

Дома никого не было.

«Отлично, есть возможность прийти в себя», – подумал я. Меня еще потряхивало от волнения, мысли текли беспорядочно.

Разобрав рюкзак, положил учебник на стол и улегся на оттоманку.

– Ну и что будем делать, товарищ вселенец? – обратился сам к себе. – Спасать страну?

Спасать страну не хотелось. Хотелось всего того, чего у меня никогда не было.

В голове то и дело вертелась фраза: «А еще жизнь хороша тем, что можно путешествовать».

Молодое тело лежать отказывалось, поднявшись с оттоманки, я оглядел комнатку.

– Надо сказать, ты, Сашка, в это время был изрядный засранец, – сообщил я сам себе и принялся за уборку.

Когда убирал ведро и тряпку в туалет, мама как раз вернулась с работы.

– Это хорошо, что совесть в тебе проснулась, – сообщила она. – Но лучше бы занялся уборкой после экзамена.

Я открыл было рот сообщить, что мне экзамен на хрен не сдался, но тут же закрыл.

Мама – это вам не Вовка Третьяков. Как начнет орать, не закончит до вечера. Не будешь ведь ей доказывать, что резко повзрослел.

«М-да, пожалуй, экзамены придется сдавать, иначе скандал будет», – подумал я и начал изучать расписание. Большинство экзаменов было позади, оставались физика, английский язык и сочинение.

«Ладно, монопенисуально, учить ничего не буду, – окончательно решил я. – Как сдам, так и сдам. Пойду лучше прогуляюсь по городу».

– Ты куда? – воскликнула маман, когда я направился к дверям. – Кто физику будет учить? Пушкин?

– Ну, мама, – жалобно заныл я, без труда вспоминая свои увертки. – Мы сегодня с Вовкой целый день зубрили.

– Знаю, как вы учите, – сообщила мама. – Небось, на голожопых девок на пляже пялились, про учебу и не вспоминали.

– А вот и нет, мы специально на Неглинку ходили, чтобы никто не мешал. – Честно признался я.

Куда бы направить свои стопы? – озадачился, выйдя из дома. О! Помню, в эти годы завидовал барменам, денег на кармане куча, девочки вокруг любые. Полгорода знакомых. Пойти, что ли, в бар какой заглянуть, насчет работы разузнать?

К сожалению, сейчас в городе не так много мест, куда можно устроиться. Уже по дороге я вспомнил, что вскоре должна открыться шашлычная на улице Ленина, и решительно зашагал в ту сторону.

Идя по улице, я наслаждался забытым чувством здоровья и легкостью ходьбы. Навстречу шли сотни горожан. Редкие автобусы и троллейбусы не могли перевезти всех желающих, и большинство двигалось пешком. После забитого автомашинами города улицы казались вообще свободными от транспорта.

Шашлычная, как и предполагал, была еще закрыта. Однако, обойдя вокруг здания, обнаружил, что задняя дверь не на замке.

Зайдя в темный коридор, пахнувший свежей краской, я прошел до какого-то кабинета, откуда слышался негромкий разговор.

Постучавшись, зашел и обнаружил там сидящую за письменным столом толстуху и стоящего рядом мужчину грузинистого типа.

– Тебе чего, мальчик? – нетерпеливо спросила женщина, видимо, ей хотелось продолжить разговор.

– Здравствуйте, – вежливо сказал я. – Меня зовут Александр Сапаров, мне семнадцать лет. Сейчас я сдаю экзамены за десятый класс, а потом я бы хотел работать у вас в шашлычной.

– Послушайте, молодой человек, – удивленно сказала женщина. – Вы разве не хотите поступить в университет или институт? Ради чего вы тогда учились десять лет. Могли бы поступить после восьмого класса в ТКУ и потом прийти к нам на работу.

Я пожал плечами.

– Тогда мне хотелось учиться, а сейчас я решил пойти работать.

– А почему именно к нам? Можно ведь и в другое место.

Я улыбнулся.

– Шашлык люблю и есть и готовить. Поэтому решил к вам.

Тут в разговор вступил мужчина.

– Слюшай, малчик, ты действительно шашлык-машлык любишь? Может, расскажешь, как его готовить?

– Отчего же, расскажу.

И я приступил к рассказу, после десятого рецепта маринада мужчина возбужденно замахал руками.

– Маладэц, понимаешь, так гаварил, как будто атэц у тебя грузын. Слюшай, Наталья Пэтровна, бери его на работу. Такой маладэц не подведет... Я нэ ошибаюсь никогда.

Наталья Петровна улыбнулась.

– Хорошо, Саша, давай так договоримся: ты сдаешь экзамены и после них приходишь ко мне. Паспорт, надеюсь, у тебя уже есть, будет неплохо, если ты еще принесешь школьную характеристику, если та меня устроит, то возьму на работу учеником официанта.

Я собрался с духом и нахально спросил:

– А можно учеником бармена?

Грузин засмеялся.

– Я же тебе гавару, парень – маладэц, хароший бармен будэт.

Наталья Петровна нахмурилась.

– Ты, оказывается, бойкий малый. Ничего пока обещать не могу, когда придешь с документами – тогда поговорим.

Выйдя из шашлычной, я отстоял небольшую очередь у цистерны, купил за три копейки маленькую кружку кваса, присел на ближайшую скамейку и медленно цедил холодную жидкость, наслаждаясь настоящим вкусом напитка, забытого за десятилетия.

После этого, не торопясь, направился в сторону дома. Когда зашел домой, там аппетитно пахло ужином. Отец еще не приходил, и у мамы настроение было на нуле. Она молча накладала мне тарелку картошки с тушенкой. Я так же молча опустошил тарелку, запил чаем с куском батона и ушел к себе.

Разговаривать не хотелось. Видимо, первые часы вселения я был слишком возбужден, и сейчас наступила реакция. Появилась слабость, разболелась голова. Несмотря на эту боль, жутко клонило в сон.

Я только успел крикнуть маме, что хочу спать, и меня вырубил.

Утром я не сразу сообразил, отчего ночью в старой квартире. Первая мысль была, что забурился сюда после какой-то пьянки. Но тут вспомнил вчерашние события, и сразу накатило радостное чувство второго рождения.

– Ох! Сегодня же экзамен! – вспомнил я и быстро начал одеваться.

Отец с мамой сидели на кухне и переругивались. В той жизни я старался уйти от этих разборок. Сейчас же родители казались мне глупыми детьми, ссорящимися из-за пустяков.

Поэтому, сев за стол, скомандовал:

– Заканчиваем прения, мама! Внушение ты сделала, все всё осознали, давайте лучше позавтракаем. Кстати, у меня сегодня экзамен. Так что не надо меня нервировать.

Упоминание экзамена помогло. На кухне стало тихо. После завтрака я, сунув в карман шариковую ручку, отправился в школу. Перейдя через дорогу, нырнул в дыру в заборе и пошел по натопанной тропке к парадному входу.

На четвертом этаже у кабинета физики уже толпились одноклассники. Большинство нервно шуршало шпорами, учебниками. Я уселся на подоконник и скучающим взглядом смотрел на всю эту суету. Рядом со мной тут же уселась Светка Шитикова. Она уткнулась в учебник, не замечая, что сдвинула им подол платья. А там на открытых ногах были видны стройные ряды формул, написанных фиолетовыми чернилами.

Тронув ее за плечо, шепнул:

– Светка, одерни платье, учителя заметят.

Та быстро опустила подол и, оглядевшись, удивленно спросила:

– Саша, ты чего ты так сидишь? Хоть учебник почитай напоследок.

Я махнул рукой.

– Перед смертью не надышишься. Уже начитался.

Тут к нам подошел Третьяков.

– Слушай, Саня, у меня такое ощущение, что я все забыл. Ты шпоры принес? Если я первым пойду, дашь мне?

Я засмеялся.

– Садись рядом со Светкой, она тебе даст списать. Заодно ножки покажет. Я вчера ничего сделать не успел, заснул, девяти еще не было.

Светка после моих слов порозовела, но согласно кивнула.

Вовка явно повеселел.

– Ладно, я тогда с тобой за один стол сяду, – сообщил он Светке.

Еще через несколько минут явились учителя и нас запустили в класс.

После того, как мы расселись, всех по очереди вызывали тащить билеты.

Я думал, что не смогу ответить ни на один вопрос, и надеялся, что мне выставят трояк в счет старых заслуг. Но вопросы оказались довольно легкими, я вызвался отвечать почти сразу и под завистливые вздохи одноклассников отстрелялся за десять минут.

Вовку пришлось ждать почти час. Он получил четверку и был вполне доволен собой. Теперь нас ждал английский язык, который был для Третьякова терра инкогнита. Моя задача состояла в том, чтобы помочь ему выучить небольшой рассказ из восьми предложений про американского художника Рокуэлла Кента.

Но на сегодня эта тема была пока неактуальна. Учебу планировалось начать с завтрашнего дня.

– Может, по пиву? – нерешительно предложил Вовка.

– Давай, – согласился я. – Но для начала зайдем в одно место.

– Это куда? – насторожился Третьяков.

– Увидишь, – коротко хохотнул я в ответ и двинулся к автобусной остановке.

Когда кинул десять копеек в приемное гнездо контейнера и открутил пару билетов, Вовка удивленно посмотрел на меня. Обычно мы старались проехаться зайцем. Но стояли поближе к билетной кассе. Если заходил контролер, мы быстро кидали туда деньги и откручивали билеты. Но сегодня я так не поступил.

В ответ на Вовкин вопросительный взгляд пожал плечами, мол, понимай, как хочешь.

Через три остановки мы сошли и пошли по Герцена к двухэтажному деревянному зданию.

– Ты чего в военкомате забыл? – испуганно спросил Вовка. – Тебе же восемнадцати нет, это мне осенью армия светит, если не поступлю.

В мрачном коридоре военкомата было пустынно, весенний призыв завершился, и сотрудники отдыхали от суеты.

Секретарша комиссариата с удивлением встретила наше появление.

– Чего хотели, молодые люди? – недружелюбно спросила она, усердно стуча по клавиатуре пишущей машинки.

– Добрый день, – поздоровался я. – Нам бы хотелось узнать о возможности учебы в ДОСААФе на водителя.

В ответ секретарша буркнула:

– Кабинет двести два.

Поблагодарив, мы вышли снова в коридор.

– Ты что, совсем придурак? – возмутился Третьяков. – Ты же хотел в универ поступать. На хрена тебе этот ДОСААФ, только время зря терять.

– Послушай, Володя, – проникновенно обратился я к нему. – Вчера на речке на меня озарение нашло, и я решил пойти на работу, а вечерами учиться на водителя.

Вовка что-то еще ворчал, но я уже поднимался на второй этаж. Постучавшись, я приоткрыл дверь и, спросив: «Разрешите», – прошел в кабинет.

За столом сидел сухощавый майор и с интересом разглядывал появившихся салаг.

– Ну, что хорошего скажете? – любопытствовал он.

– Товарищ майор, мы с товарищем явились, чтобы узнать о возможности получить направление в ДОСААФ для обучения на водителя грузовой и легковой автомашины, ну и на мотоцикл до кучи.

– Ого, вы, однако, шустрые мальцы! – усмехнулся майор. Но тут же принял деловой вид и спросил: – Так, вначале быстро доложите, кто такие, адрес, возраст. Если паспорта и приписные свидетельства с собой, выкладывайте на стол.

Паспортов у нас с собой не было, свидетельств тем более. Услышав мою фамилию, майор с интересом глянул на меня:

– А я ведь с твоим батей служил, парень. Как он, кстати, все тренером работает? Давненько его не встречал.

– Да, все нормально, товарищ майор, без проблем.

– Ну, тогда передавай ему привет от Жилина Олега.

Помедлив, майор продолжил:

– Что-то я не пойму, Санек, зачем тебе эта учеба. У тебя прямая дорога в военное училище. Отец фронтовик, орденоносец. Сам ты спортсмен, разрядник. Примут без проблем. Будешь офицером служить. А ты все через жопу делаешь, непорядок. Батя-то хоть знает, чего ты задумал?

– Не знает, – ответил я. – Но иметь водительские права еще никому не мешало.

Жилин хмыкнул:

– Понятно. Лады, получишь ты направление, по благу, хе-хе, включу тебя в спецкоманду, которая кроме категории С будет учиться на категорию В. К сожалению, за категорию А придется заплатить. Бесплатно учить никто не будет. Надеюсь, родители двадцать два рубля найдут для этого.

– Найдут, товарищ майор, – заверил я.

Тот тем временем уже слушал Третьякова... Выслушав, куда-то позвонил и с сожалением сообщил:

– А с тобой, паренек, ничего не получится, если не пойдешь учиться в вуз, в октябре призовем. Летние команды уже учатся, а осенние начнут учебу как раз в октябре.

Вовка выслушал слова майора без особого волнения. Он пришел сюда за компанию и никаких планов не строил. Хотя перспектива стопроцентного призыва этой осенью его явно не обрадовала. Я-то знал, что в октябре его призовут не в армию, а во флот, и три года службы он проведет на подводной лодке...

Когда мы вышли из мрачных глубин военкомата, дневной свет показался необычайно ярким, как и мое настроение. Пока все шло, как и планировал. Я надеялся, что в следующем году пойду служить водителем, а не просто пехтурой. Мысли откосить от службы возникали, но были сразу отброшены. На нее у меня были свои планы.

– Ну, теперь можно и по пиву, – весело сообщил я, и мы поспешили к ближайшему пивному ларьку. Пиво в нашем городе в 1968 году водой еще не разбавляли.

Десять минут стояния в очереди – и у нас в руках по две кружки пенного напитка. Я слегка сдул пену и сделал глоток.

Да! Это было пиво! Я пил его и думал о том, что через пару лет на пивзаводе сделают ремонт, заменят немецкое оборудование, поставленное сразу после войны, на наше, и уже никогда «Жигулевское» пиво, сваренное у нас городе, не будет таким, как раньше.

– Что рожи корчишь, как придурок? – прервал мои мысли Вовка. – Уставился куда-то и лыбишься.

– Да так, задумался, – ответил я, не желая сознаваться, что просто балдею от своей юности, яркого летнего солнца и просто возможности пить хорошее пиво.

До дома мы шли пешком, приятель за это время изрядно надоел своей болтовней. А под конец просто раздражал.

– Блин, надо как-то перестраиваться, терпеливей быть, что ли, – подумал я, когда мы прощались. – Впереди еще неделя экзаменов, Александр Юрьевич, привыкай, что тебе не семьдесят лет.

Квартира встретила пустотой. Родители были на работе. Меня же переполняла жажда деятельности, поэтому, взяв ключ от гаража, я отправился туда. Гаражом у нас назывался ветхий сарай, в котором стоял такой же ветхий «Ковровец».

В прошлой жизни, купив за столярник, батя так и не удосужился его починить. Когда же я пришел из армии, то узнал, что мотоцикл год назад сперли.

Вытащив его во двор, приступил к полной разборке. Орудия ключами, размышлял, что иметь многолетний опыт автодела в семнадцать лет очень даже неплохо. Время шло незаметно.

Когда надо мной горестно зазвучал батин голос, все запчасти были аккуратно разложены на старом брезенте. Одна рама сиротливо стояла на земле, подпертая с боков чурками.

– Ты что, паршивец, натворил! – возмущался отец. – Я уже договорился с Валентинычем, что он переберет мотор, и вообще... Кто тебя просил лезть? Я уже планировал через неделю на нем на рыбалку махнуть.

В ответ я засмеялся.

– Пап, ты об этом второй год рассказываешь. Твой Валентиныч с зимы пьет, не просыхая, ему не до мотоцикла. А я за пару дней его до ума доведу.

Батя скривился.

– Что бы ты понимал, молокосос. Вон, велик свой с апреля починить не можешь, а за мотоцикл берешься.

– Давай забьемся, – предложил я спокойно.

– Давай! – оживился отец. – Только на что?

– Ну, к примеру, на сто рублей, – предложил я.

– Что, с ума сошел, где я тебе сто рублей возьму? – испугался батя. – Давай на пятерку. Только что ты со своей стороны поставишь? – тут же поинтересовался он.

– Половину первой зарплаты отдам, – сообщил я.

Отец засмеялся:

– Так когда это будет? Ты же у нас инженером планируешь стать.

Ответом на его слова было молчание.

– Так, понятно, – констатировал батя. – Уже передумал. И куда же ты пойдешь учиться?

«М-да, пока родителям ничего знать не стоит», – подумал я и сообщил:

– Да нет, все остается в силе, хотя сомнения имеются.

Так и не доспорив, отец пошел домой, а я остался, чтобы убрать все части мотоцикла в гараж.

Пришел домой перемазанный мазутом. Мама немедленно погнала меня мыться, не забыв поинтересоваться итогами экзамена. Четверкой она осталась недовольна, но особо не выступала. К вечеру мне снова поплохело, и я завалился спать в девять часов.

Прошло три дня. Сегодня у нас экзамен по английскому языку. Мы сидим с Вовкой за одним столом. Друг весь в мандраже. Перевод текста я ему уже написал. Но с билетом ему не повезло, по нашему плану, на билете с рассказом о Рокуэлле Кенте должны были поставить точку. Но, видимо, не только мы были такие умные, поэтому точки стояли на нескольких билетах. Вовка не угадал, ему попался рассказ о Лондоне. И сейчас он был весь в трансе.

Я толкнул его, и он, как зомби, отправился к столу экзаменаторов, доброжелательно рассматривающих первого красавца класса.

Отдав им написанный корявым почерком перевод, Вовка сразу начал рассказывать возбужденные слова об американском прогрессивном художнике.

– Вова, погоди! – воскликнула наша учительница Белла Марковна. – У тебя же в билете другая тема стоит.

Третьяков вздохнул.

– Простите, Белла Марковна, я не знаю этой темы.

Экзаменаторы переглянулись.

– Хорошо, Володя, можешь взять другой билет, – предложила учительница.

Вовка взял другой билет, глянул в него, положил на стол и снова начал рассказ о Рокуэлле Кенте.

– Вова, остановись, ты же снова рассказываешь о Кенте, – воскликнула Тамара Петровна, вторая англичанка. – Скажи, пожалуйста, какие темы ты знаешь?

Вовка, вперив взгляд в пол, сообщил:

– Я знаю о Рокуэлле Кенте.

– Хорошо, Вова, расскажи нам о Кенте, – с тяжким вздохом сказала Белла Марковна.

Получив свою тройку, потный Вовка выскочил в коридор. А я пошел к столу получать свою заслуженную пятерку.

Экзаменационная эпопея закончилась для меня благополучно. Даже лучше, чем в первый раз. Это была приятная неожиданность. Я вновь писал сочинение по роману Горького «Мать». Но если тогда получил за него тройбан, то сейчас целую четверку. По-видимому, орфография с синтаксисом у меня слегка улучшились за прошедшие пятьдесят лет, хотя не так хорошо, как бы хотелось.

Сейчас я с тревогой ждал намечающегося неприятного разговора с родителями.

Мама уже не один раз подкатывала ко мне с вопросом, не определился ли я с выбором места поступления. Я, как мог, увиливал от конкретного ответа, но после того, как получил на руки аттестат, все же решился. После очередного маминого закидона обнародовал свое решение:

– Знаете, родители, я подумал и решил, что не буду пока получать высшее образование.

Видимо, момент был выбран не очень удачный. Из маминых рук выскользнула тарелка и, ударившись об пол, разлетелась на мелкие осколки.

– Саша! – трагическим шепотом сказала она. – Мне слышалось, ты действительно не пойдешь учиться?

– Вот ты ж сукин сын! – с чувством выругался батя.

И тут мама дала нам жару! Она молотила языком минут десять, не давая никому вставить ни слова. После чего возопила:

– Ну, чего же вы молчите! Юра, скажи хоть ты своему балбесу, какой он балбес!

– Действительно, – пробурчал батя. – Как-то неожиданно услышать такие заявления. Ты куда идти работать собираешься?

Я собрался с духом и заявил:

– Пойду работать учеником бармена в ресторан.

Наступила тишина.

Через минуту на кухне раздался плачущий мамин голос.

– Боже мой! Мой сын будет работать халдеем в кабаке. Какой позор! Нет, лучше умереть! Я же сгорю со стыда на работе.

В этот момент мне вспомнилось, как через двадцать с чем-то лет мама радовалась знакомству с тетей Ниной, раздатчицей в ближайшей столовой, и как униженно благодарила ее за полкило вареной колбасы или несколько сосисок. К сожалению, поделиться такими воспоминаниями с родителями было невозможно.

Вечер у нас прошел в беспрестанных наездах на меня. В конце концов, убедившись в бессмысленности уговоров, мама от меня отстала.

Напившись валерьянки, она уселась смотреть телевизор, заявив напоследок:

– Как только пойдешь на работу, ни копейки от нас не жди. Сколько будешь давать за питание и квартиру, я подсчитаю. На остальные живи как можешь. Понял?

В ответ я молча кивнул. Говорить в ответ не рискнул, боясь, что маман продолжит нравоучения.

За пару дней до выпускного вечера я отправился в школу за характеристикой. Наша классная руководительница, как обычно, сидела в лаборантской комнате и что-то писала. В открытое настежь окно задувал теплый ветерок.

Увидев меня, она приветливо улыбнулась и сказала, что я вовремя зашел, еще пять минут – и ее бы уже не застал.

– Галина Васильевна, не могли бы вы написать на меня характеристику? – спросил я.

– Конечно, напишу, – сообщила она и уточнила: – В какой институт пишем?

– КГХМ, – откашлялся я, – Галина Васильевна, мне нужна характеристика в трест кафе и столовых.

На лице учительницы физики вмиг нарисовалось выражение точь-в-точь как у мамы.

– Сапаров! – строгим тоном воскликнула она. – Что происходит? Какой еще там трест столовых! Ты что задумал?

– Ничего особенного, – ответил я. – Пойду на работу в ресторан.

Галина Васильевна схватила за голову и застонала.

– О-о-о, ты меня убил! Саша, разве можно так издеваться над учителем? Скажи, что ты пошутил?

– Никаких шуток, – довольно громко ответил я, меня уже начало слегка потряхивать. – Буду работать, затем поступлю на заочный факультет в институт советской торговли.

– Ты же думал о научной карьере, хотел стать физиком-ядерщиком, – напомнила учительница.

Я улыбнулся.

– Галина Васильевна, не всем же быть ядерщиками. Кому-то надо дворником работать, ассенизатором. Не вы ли когда-то говорили, что в нашей стране все профессии почетны?

Учительница кисло улыбнулась и, достав авторучку, начала писать характеристику своим округлым почерком.

Написав, она протянула листок мне.

– Держи, я надеюсь, что твой бзик быстро пройдет, ты осознаешь свою ошибку, и очень желаю, чтобы у тебя хватило времени ее исправить до призыва в армию. Не забудь поставить печать в канцелярии, – добавила она наставительно.

К счастью, наша канцеляристка не удосужилась прочитать характеристику, а, достав печать из ящика стола, шлепнула ее на подпись Галины Васильевны, так что мне повезло обойтись еще без одной порции нравоучений.

Заверив копию аттестата в нотариальной конторе, я вновь отправился в шашлычную «Кавказ».

Она была уже открыта, уже метров за пятьдесят от ее дверей ощущался запах специй и жареного мяса. Я с утра не ел, и у меня потекли слюнки от этих ароматов.

Знакомой дорогой я прошел к кабинету заведующей. Сегодня в коридоре было светло, туда-сюда ходили официанты, повара, создавая рабочую атмосферу.

Неожиданно на меня наткнулся уже известный мне грузин.

– О! Гамарджоба! – воскликнул он. – Малчик, ты вовремя пришел. Пошли, я тебя накормлю настоящим грузинским шашлыком от Гиви Хорбаладзе. Повэрь, ты и твой уважаемый атэц такого никогда не пробовали.

– Гмадлобт, генацвале Гиви, – ответил я. – Не могу. К сожалению, у меня нет денег.

– Какие-такие деньги! – возмутился Хорбаладзе. – Бэсплатно кушать будешь, пока я тут шеф-повар.

Он ухватил меня за руку и потащил через варочный цех в крохотную подсобку, в которой уместился небольшой столик и пара стульев.

Усадив меня на стул, он побежал к огромному мангалу, стоявшему под вытяжным копаком.

Притащив шампур, полный мяса, он ловко снял его в тарелку. Затем, подмигнув, вытащил откуда-то баночку с бурой массой.

Бережно положил две ложки в тарелку и сказал:

– Папробуй ткэмали. Такой в Аджарии только моя мама делает. У вас тут такого нигде нет. Ты кушай, а я сейчас запить принесу.

Он вышел из подсобки и вскоре вернулся с запыленной бутылкой. На замусоленной этикетке виднелись грузинские буквы.

– Гиви, ты зачем парня спаиваешь? – громко спросила подошедшая Наталья Петровна. Ее массивная фигура занял весь дверной проем.

– Наташа, да разве этим можно спить? Это рислинг с нашего виноградника. Я его с детства вместо воды пил, – ответил Хорбаладзе и погладил женщину по круглому плечу.

– Ну хватит, Гиви, – притворно возмутилась женщина и обратилась ко мне: – Саша, теперь уж доедай все, что тебе наложил этот щедрый грузин, потом пройди ко мне.

– Хорошо, Наталья Петровна, – промямлил я, жуя очередной кусок мяса, политый аджикой. В голове крутилась единственная мысль: «Это я хорошо зашел. Пока Гиви тут работает, у меня, надеюсь, всегда будет шанс поесть такую вкуснятину».

Сожрав за пару минут полную тарелку баранины, я вытер руки и прошел в кабинет директора. Две симпатичные официантки в это время внимательно разглядывали меня.

Наталья Петровна тщательно прочитала характеристику, ознакомилась с аттестатом, недоуменно пожала плечами и сказала:

– Не понимаю; если бы моя Верка с такими оценками школу закончила, я бы от счастья рыдала. Чего учиться не пошел? Твои родители хоть в курсе, куда ты устраиваешься на работу?

– Знают, – недовольно буркнул я.

– Ладно, – вздохнула женщина. – Садись, пиши заявление о приеме на работу с первого июля учеником бармена. Я завизирую, если хочешь – сам отнеси в трест, не хочешь – я через денек-другой с документами отправлю. Да, чуть не забыла. Будешь получать учеником пятьдесят рублей. Считай месяц у тебя испытательный срок. Если зарекомендуешь себя хорошо, начнешь работать уже на основной ставке и получать восемьдесят рублей. И готовься стать комсоргом. У нас работает шесть комсомольцев. Они все семейные люди, у них дети. Так что флаг тебе в руки. Тем более что, судя по характеристике, ты два года был неплохим комсоргом класса.

«Вот блин! – ахнул я про себя. – Ну, Галина Васильевна, удружила, нечего сказать. И что теперь делать? Совсем этот комсомол из головы вылетел».

– Наталья Петровна, почему вы попросили написать заявление с первого июля, а не с сегодняшнего числа? – решил проверить я свои предположения.

Директорша явно не ожидала такого вопроса и ответила с заминкой:

– Ну, чтобы у тебя было время подумать, и вообще...

«Понятно, – улыбнулся я. – Считает, что я просто вздорный парень и стремление работать барменом мой каприз, недаром про пятьдесят рублей напомнила».

Нет, дорогая, решение я не изменю. С другой стороны, даже неплохо, что работать начну через неделю. Можно спокойно сходить на выпускной вечер, выгулять маму, а то всерьез обидится. А главное, схожу в поход. Ведь сколько лет прошло, а все жалею, что дело с Нинкой Гоголевой до конца не довел. Полночи ее тискал в палатке. Девушка уже «поплыла», сама ножки раздвинула, а я испугался последствий и сбежал. Нет, в этот раз доведу все до победного конца, тем более что сейчас вполне представляю, как избежать «последствий».

С такими нехорошими мыслями я покинул кабинет директора.

Следующие два дня мама была озабочена тем, что она наденет на выпускной вечер. Батя даже ей несколько раз напомнил, что выпускной вечер не у нее, а у меня. Но это не особо помогло. Зато я одеждой не заморачивался. В этом вопросе пожилое сознание победило.

– Мама, не волнуйся, все нормально. Пойду в клешах и джемпере, обойдусь без костюма, – сообщил я маме. Та поморщилась, но ничего не сказала. Мои брюки, расклешенные на двадцать девять сантиметров, были подшиты молниями. В прошлом году я даже вшил в них колокольчики.

Но, готовясь к вечеру, все же их отпорол. После чего мама облегченно вздохнула. Видела бы она клеш Славки Свистунова, у того в штанины были вшиты лампочки, горевшие оранжевым цветом, а в кармане лежала батарейка, он вроде бы собирался в этих брюках появиться на вечер.

Утром первого июля я вышел из дома несколько взбудораженный. Этот день был особый, он знаменовал новый поворот в моей жизни. Конечно, было немало соблазнов пойти по старому пути, стараясь избежать ошибок, сопровождавших его. Но к чему это? При знании будущего и жизненном опыте я надеялся прожить вторую жизнь с большей пользой для себя лично. Мне хотелось просто жить, наслаждаться благами мира, а не сражаться с ветряными мельницами, борясь за чьи-то интересы.

Для начала годик до армии поработаю барменом, а там будет видно, чем заняться. Может, в МГИМО поступлю. Конечно, можно бы и уйти за рубеж, но жалко родителей. Им после этого не позавидуешь. Маму точно из КБ погонят, да и батя может работы лишиться. Нет, за границу пока отложим.

На автобусной остановке я присел на скамейку. Ноги после вчерашнего восемнадцатикилометрового марша еще гудели.

«Отличный поход получился», – вспомнил я прошедшие дни. В поход нас ушло всего двенадцать человек. Шесть парней и шесть девчонок. Ну, почти как в прошлой жизни. Поэтому я не был удивлен малым количеством желающих провести вместе еще пару дней.

На берегу лесного озера мы быстро поставили несколько палаток и приступили к готовке. Пятнадцать бутылок вина ждали своей очереди на распитие.

Девчонки толпились у костра, а мы, усевшись на берегу, обсуждали, кто из девочек нам сегодня даст.

Я особого участия в диспуте не принимал, зная его итоги. Зато остальные бурно обсуждали этот вопрос и пришли к простому выводу: никто не даст.

Однако Юрка Петеляев вскоре обнаружил, что бутылки с вином исчезли, и все переключились на новую тему. Из терок с девчонками выяснилось, что вино спрятали они, боясь за свою девственность. Якобы мы напьемся и будем к ним приставать.

К ужину они, однако, расщедрились и выделили несколько бутылок на сегодняшний вечер.

Мы сидели у костра, пели песни, говорили о будущем. Пытались заигрывать с девочками.

Часам к одиннадцати на биваке появился Сережка Савельев, ушедший немногим раньше осмотреть берег.

Он подходил то к одному, то к другому парню и что-то шептал на ухо.

Я мысленно засмеялся, все шло как когда-то.

Подойдя ко мне, Сережка возбужденно зашептал:

– Слушай, Сашка, тут метрах в двухстах палатка, там две девки ночуют. Блядищи! Клеймо некуда ставить. Я уже вы...б одну. Когда девчонки лягут спать, пойдем туда. Наши все равно не дадут.

Я вздохнул про себя.

Сильно правильным мальчиком был в первой жизни. Поэтому предпочел полночи щупать Гоголеву и страдать от ломящей боли в паху, чем пойти и банально трахнуть ждущую именно этого женщину.

Хотя, подумав, понял, что таким брезгливым остаюсь и сейчас и меня нисколько не тянет к девушке, только что имевшей секс с другим парнем.

Зато стало окончательно ясно, что я этой ночью останусь в пустой палатке с Ниной Гоголевой. От одной мысли об этом перехватило дух.

«Спокойней, – говорил я сам себе. – Это просто не дают покоя гормоны, но ты же можешь их держать в узде».

Парни такими комплексами не страдали и около часу ночи свалили все, как один.

К моему величайшему удивлению, Нина оказалась не девушкой и с большим удовольствием ответила на мои порывы. Да так, что иногда пришлось ей закрывать рот, чтобы не проснулись девочки в соседней палатке.

«Вот придурок! – думал я о себе в течение следующего дня. – Это же надо было тогда всю ночь ползать по девчонке и не догадаться, чего она хочет. Черт! Даже сейчас стыдно. Ладно, хоть в эту ночь не оплошал».

Воспоминания оборвались благодаря подошедшему автобусу. Я ловким, отработанным маневром оказался у задних дверей, и набежавшая толпа сама внесла меня вовнутрь. Сжатый со всех сторон людьми, я, тем не менее, сумел освободить руку с зажатым в кулаке пятакон и передать его за билет.

После нескольких остановок в автобусе стало свободней, и я начал пробираться к выходу, поглядывая на часы.

Когда зашел в кабинет Натальи Петровны, та заметно расслабилась.

– Ну, слава Богу, появился, – сказала она с облегчением.

– А что так? – поинтересовался я.

– Да Генка Виноградов на работу не вышел, – зло ответила директорша. – Наверно, ему опять нос расквасили, боксеру хренову.

– А что, он здесь уже работает? – поинтересовался я. Генку я знал. Боксеры занимались в Доме физкультуры вместе с нами, борцами-вольниками. За те три года, что я занимался, мы все перезнакомились. Гена был старше меня года на три-четыре и очень гордился, что работает барменом в ресторане «Северный». В прошлой жизни именно его рассказы заставили меня думать о такой работе. Но мне казалось, что он перешел в шашлычную гораздо позднее.

– Да вот, взяла на свою голову, – сообщила Наталья Петровна. – Надеюсь, ты боксом не занимаешься?

– Не занимаюсь, – честно ответил я, тронув занывший бок со сломанными на соревнованиях в прошлом году ребрами.

– Надеюсь, что он тебя немного поднатаскает в этом деле, – пожаловалась женщина. – Пришлось Лену Сафонову за стойку поставить. Сегодня ей будешь помогать, она тоже не Копенгаген в этой работе, и попробуйте не справиться!

Тут она нахмурилась, окинув меня взглядом:

– Саша, ты что, собираешься в таком виде работать?

Я улыбнулся:

– Ну что вы, Наталья Петровна. Конечно нет.

Открыв портфель, принесенный с собой, вынул оттуда отцовский костюм черного цвета, атласную манишку, белую рубашку и галстук-бабочку, Костюм, правда, был мне немного маловат, но другого пока не имелось.

– Надеюсь, у вас есть уют в наличии, – спросил я у женщины, смотревшей с открытым ртом на мои манипуляции.

– Да, конечно, пойдем в подсобку, девочки тебе погладят, – придя в себя, сообщила та.

Перекинув костюм через руку, я отправился вместе Натальей Петровной в подсобку.

Две развалившиеся на стульях девицы, увидев нас, моментально затушили сигареты и вскочили.

– Я вас сколько раз, мать вашу, предупреждала, не курите здесь! – заорала директорша, наливаясь краской. – И вообще вы в зале должны быть!

– Простите, Наталья Петровна, – пискнула кучерявая пышка с выпирающими буферами. – Но клиентов пока нет, мы тетю Настю попросили предупредить, если кто появится. И Ленка в баре за стойкой возится.

– Смотрите, в последний раз предупреждаю, уволю на хрен, вам сто раз сказано, где можно курить, штрафы пожарным за вас платить не собираюсь, – буркнула директорша. – Этот молодой человек будет у нас работать учеником бармена. Зовут его Александр Сапаров. Познакомьтесь в процессе работы. – Наталья Петровна повернулась к толстушке. – Бахирева, поручаю погладить ему костюм. А ты, Зоя, пока введи его в курс дела. Саша, если что непонятно, спрашивай, не стесняйся. Потом зайдешь ко мне, распишешься в журнале инструктажа и техники безопасности.

Сказав все это, Наталья Петровна посчитала свою миссию выполненной и отправилась к себе.

– А ты ничего, симпатичный. Говорят, Петровна тебя комсоргом хочет сделать. Ей в тресте уже все мозги выели по этому поводу, якобы комсомольская организация не работает, – выпалила одним духом Бахирева, почти упершись в меня своими формами. – Ну, давай сюда костюмчик. Где, интересно, такое старье выкопал?

– Вполне нормальный костюм, – отозвался я, – всего-то ему три года.

И тут же подумал, что еще огребу от мамы за костюм по полной программе, когда та обнаружит его отсутствие в гардеробе.

– Кстати, тебя как зовут?

– Меня звать не надо, – сообщила пышка. – К кому мне хочется, я сама прихожу. А вообще, я – Зина.

Девушка прижалась ко мне мягкой грудью, видимо пытаясь смутить. Но я только ехидно улыбнулся. Она сама засмутилась и, выхватив костюм из рук, направилась к столику, со стоящим на нем утюгом.

Вторая официантка, спокойно взиравшая на нас, сообщила, что ее зовут Зоя, и предложила:

– Пойдем, пока посетителей нет, я тебе все здесь покажу, познакомлю со всеми работниками. С Гиви Амвросиевичем ты уже знаком, я заметила.

Все же она тоже не удержалась от любопытства.

– Ты правда к нам после десятого класса пришел?

– Ну да, – коротко ответил я.

Видимо, девушке хотелось спросить еще что-то, но мой лаконичный ответ этому не способствовал.

И мы начали свою экскурсию.

В варочном цехе я увидел Гиви, но тот сейчас был занят, мариновал гору мяса, поэтому только приветственно махнул рукой да, вытерев пот со лба, пригласил зайти после обеда.

Тетя Настя оказалась въедливой старушонкой, гардеробщицей, вознамерившейся узнать про меня все, вплоть до родни до седьмого колена. Еле удалось от нее отвязаться.

Когда же увидел Ленку Сафонову, меланхолично протирающую барную стойку, то понял, что пропал.

Высокая, с меня ростом, натуральная блондинка с голубыми глазами страдальчески водила тряпкой по полировке. Меня буквально распирало от желания помочь ей, натереть стойку до зеркального блеска.

Только ехидный взгляд Зои помог привести свои чувства в норму...

«Вот это харизма! – восхищенно подумал я. – Что такая девушка тут делает и почему я ничего не знаю о ней из прошлой жизни? Вроде заходил в шашлычную не один раз, а ее никогда не видел».

И тут меня осенило.

«А о бабочке Брэдбери ты слышал, мудак? Конечно, президент в Америке пока тот же. Но конкретно в этой шашлычной все идет по-другому с того момента, как ты здесь появился».

Я вышел из ступора и зашел в бар, оформленный гранитом под пещеру. Помещение было небольшим, в нем стояли пять массивных деревянных столиков с креслами и несколько высоких стульев рядом со стойкой. На полках разнообразия не присутствовало. Бутылки «Столичной» водки перемежались коньяком и грузинскими винами. Апельсиновый и мятный ликер заканчивали ассортимент напитков. А вот венгерская кофемашина, сразу заметно, была совсем новая. Но не работала. Сбоку на столике лежал потасканный магнитофон «Яуза», в котором крутилась катушка ацетатной пленки. Из магнитофона доносились невнятный голос Ларисы Мондрус, пела она «Тумбалалайку».

Увиденное меня не впечатлило.

«Ужас! И это только что открытый бар! – подумал я. – Да еще в столичном городе!»

Через секунду я допер, что таким бар кажется только для меня. Для неискушенного советского человека шестидесятых годов здесь вполне уютно и даже роскошно.

Пока оглядывал свое рабочее место, Зоя подошла к Лене и они тихо болтали, иногда пересмеивались, поглядывая на меня.

– Чем займемся? – прервал я вопросом их увлекательную беседу.

Отложив тряпку, Лена вздохнула, тонкая материя платья обрисовала грудь идеальной формы, и у меня язык прилип к заднице. Слов не было, от слова совсем, и встало все, что могло встать. Хорошо, что в моих широких брюках было много места.

Мое внимание к грудной клетке Лены не осталась незамеченным. Девчата переглянулись.

– Ну, я вас оставляю, – сообщила Зоя. – Вы тут без меня сами разберетесь. Народ стал появляться, работать надо.

Когда мы остались вдвоем, я не сразу пришел в себя, собираясь с мыслями.

«Старый козел, не можешь справиться с эмоциями, – мысленно ругал я себя. – Увидел симпатичную девушку и растаял».

Однако подсознательно понимал: дело в другом. Симпатичных девиц я встречал и до этого. Но сейчас меня как кувалдой стукнули по голове. Возможно, мне неожиданно встретилась половинка, предназначенная судьбой. И оставалось только надеяться, что у этой половинки возникнут такие же чувства ко мне.

Все же я сумел собраться, моя растерянность продолжалась недолго.

Поздоровавшись, я начал обсуждать с девушкой, как мы будем работать, пока не появится Гена Виноградов.

В это время в кабинет Натальи Петровны зашла официантка Зоя.

– Ну, как тебе мальчишка? – сразу спросила директорша.

– Вроде хороший паренек, спокойный, явно не хулиганистый, – сообщила Зоя. – Представляете, запал на Ленку с первого взгляда, уставился на нее, как баран. Конечно, на нее многие внимание обращают, но чтобы вот так, остолбенело встать и разглядывать, никогда не видела.

– Да что он видел, этот паренек? – усмехнувшись, заметила Наталья Петровна. – Девчонки в классе и больше никого. А тут такая краля. Эх, где мои семнадцать лет, – грустно вздохнула она.

– Ой, Наталья Петровна, не надо ля-ля, – фамильярно заметила Зоя. – Гиви Амвросиевич, мужчина в самом соку, с вас глаз не сводит.

– Знать бы еще точно, почему он это делает, – задумчиво пробормотала директор себе под нос, когда Зоя покинула кабинет, обслужить появившихся посетителей.

«А с Ленкой я, наверно, ошиблась, не надо было сегодня к ней парня на помощь посылать, как бы Валера Тараканов вечером здесь скандал не затеял, – подумала она. – Жаль, что вышибалы до сих пор у нас нет. Не дай бог Таракан приревнует, опять милицию придется вызывать. А потом на шару мусоров опять придется поить».

Но дальше размышлений дело у директорши не пошло. Как обычно, понадеялась она на русский авось.

Во второй половине дня поток посетителей, желающих приобщиться к кавказской кухне, увеличился. В баре тоже потихоньку прибавлялся народ. За столиками курили все, дым волнами поднимался к потолку. Жужжавший в форточке вентилятор создавал только шум, пользы от него особо не было.

Мне это жутко не нравилось, но глупых вопросов о вентиляторе я не задавал. Насколько я понял, Гена Виноградов не задумывался о своем здоровье, хотя сам тоже не курил и к тому же пока еще тренировался.

И вообще, после изучения меню и калькуляции коктейлей я понял, что никому до бара дела не было и сейчас он представляет собой золотое дно, стоит только приложить к нему руки. Первым делом я включил в сеть кофемашину, ею не пользовались с открытия, ожидая мастера. Но что такое кофеварка шестидесятых годов для продвинутого пользователя вроде меня. А вот зерновой кофе был великолепным, арабским мокко. Когда по бару разнесся его аромат, у стойки сразу нарисовалась небольшая очередь.

Если бы не я, Сафонова сегодня точно оказалась бы в пролете. Мне оставалось только ржать про себя, когда увидел, как она наливает водку в мерный стаканчик ровно по черточке, соответственно калькуляции и составу коктейля. А потом дрожащей рукой добавляет пару кусочков льда, льда ей, видите ли, жалко! Ха-ха!

Для меня, хоть я до этого и не работал в торговле, было ясно, что такая дотошность приведет к тому, что вечером при внутренней ревизии у нее получится приличная недостача, которую придется возмещать из своего кармана, или разбавлять коньяк водкой, а водку водой, чтобы не платить самому. Но такой зубр, как Наталья Петровна, просечет эту комбинацию на раз-два. А уж о дополнительных доходах можно даже не мечтать.

Поэтому пришлось встать за стойку самому и заняться приготовлением коктейлей. О насадках на бутылки здесь никто не знал, поэтому разливать напитки приходилось осторожно.

«Блин! Первым делом, надо где-то насадки раздобыть, – думал я. – Потом вентилятор нормальный потолочный. И с музыкой что-то решать. Скорее заменить этого монстра. Потом пластинки, ленту магнитофонную нормальную, лавсановую прикупить. Черт, наверно, придется ехать в Питер».

После четырех часов двери шашлычной были закрыты, и в них была выставлена табличка «Мест нет». У дверей сидела баба Настя и сразу закрывала двери за выходящими людьми. Для шестидесятых годов да и для следующих двадцати это было в порядке вещей. Хочешь в ресторан – заказывай место заранее, иначе будешь стоять часами у дверей в надежде, что освободится пара мест.

– У нас что, нет вышибалы? – между делом успел удивиться я. – Вечером же тут полный бардак будет.

Но тут меня отвлекла от работы Наталья Петровна. Подойдя, она сделала смущенное лицо и сказала:

– Саша, тут такое дело, тебе нет восемнадцати лет, и на сегодня ты уже отработал. Но у меня будет большая просьба: поработай, пожалуйста, до закрытия. Я уже поняла, что Лена не справится.

Она хитро улыбнулась и подмигнула мне.

«Однако! Директорша у нас ушла баба, моментом фишку просекла, – подумал я. – Когда только успела заметить мою работу, вроде в баре не появлялась».

– Без проблем, Наталья Петровна, – бодро ответил я. – Я тут подумал о некоторых изменениях в работе, хотелось бы завтра с вами о них поговорить.

– Конечно, Сашуль, обязательно поговорим, признаться, ты меня сегодня поразил. Ты точно нигде не стажировался до этого момента? – поинтересовалась она.

После того как я заверил ее, что сегодняшний день для меня первый в такой роли, директорша, недоуменно пожав плечами, удалилась, не забыв сообщить, чтоб после закрытия мы были готовы по-быстрому отчитаться за сегодняшний день.

Все шло неплохо, пока около семи вечера во входные двери не начали громко стучать.

Вскоре они открылись, и до меня донесся голос бабы Насти.

– Ой, Валера, здравствуй, соколик. Леночку решил навестить? Ну, проходи, проходи, она сегодня в баре работает с мальчиком новеньким.

– Каким еще на хер мальчиком! – прозвучал в вестибюле пьяный голос. – Я б... п... покажу б... всяким уе...ам, куда они должны пойти.

Сразу после этого спича в бар ворвался крепко сбитый, плечистый парень.

– Это ты, пацанчик, к моей бабе клеишься? – с порога заорал он.

Ленка, собиравшая посуду на поднос, поставила его на столик и пошла навстречу своему хахалю.

– Валер, ну перестань, это же просто работа, нас Наталья Петровна сюда отправила.

Однако парень не успокаивался. Отстранив девушку, он продолжил свои угрозы.

– Ты, шнурок! Слушай сюда. Весь город знает, что я проспект Ленина держу, а ты, дерьмо сраное, у меня девку уводишь!

Тут в бар зашли двое его друзей и стали успокаивать. Говорили они громко, не обращая внимания на окружающих.

– Таракан, перестань, сейчас Авдеева мусоровоз вызовет. Опять вечер пропадет. Пошли лучше посидим, а этому утырку после одиннадцати рыло начистим.

Они все-таки увели своего приятеля и уселись в общем зале. И пока не очень шумели.

Бледная Ленка предложила мне уйти от греха домой и не нарываться на неприятности.

Я действительно подумывал так и сделать. Но потом решил кое-куда позвонить. Звонил я из кабинета Натальи Петровны, заодно уточнил у нее, не нужен ли нам вышибала.

Та сначала не поняла, но, послушав разговор, даже решила остаться и посмотреть на моего кандидата.

Ближе к девяти часам в дверь черного хода уверенно постучали. Я стоял за стойкой, когда ко мне прибежала взволнованная директорша.

– Саша, ты кого пригласил! Там же бандюга настоящий стоит. Горилла! Я помню, как-то раз с ним в автобусе ехала. Так все там дрожали от страха.

Поняв, про кого она говорит, улыбнулся.

– Наталья Петровна, не переживайте, это наш будущий вышибала.

Пройдя к задним дверям, я уверенно открыл запор. Директорша благоразумно спряталась за мной, когда в двери шагнул гигант, похожий на юного Валуева. Его лицо пересекал уродливый шрам, а уши были в старых переломах. За ним зашел еще один здоровяк, на голову ниже, но в плечах почти такой же.

По-моему, Наталья Петровна была близка к обмороку.

Тут гигант добродушно прогудел:

– Санек, ты действительно тут работаешь? А то я шел и все сомневался: может, кто-то так надо мной пошутил? А где Геныч? Он сегодня не работает?

Это был наш супертяжеловес, борец-классик Вова Сякин. Абсолютно бесталаный, добродушный увалень. Наш тренер большей частью возил его на соревнования для морального

подавления соперников, что часто удавалось. Увидев такого громилу, многие теряли самообладание.

Звонком мне посчастливилось его застать на тренировке. Когда я кинул взгляд на его спутника, мастера спорта по вольной борьбе Рифата Зиганшина, Сякин развел руками:

– Понимаешь, Риф слышал наш разговор и увязался за мной, он тоже не прочь подработать вышибалой. Ты уж прости меня, балбеса. Мы еле-еле у Лебедева отпросились. Сам знаешь, он с тренировок никого не отпускает, мы отговорились, что тебе помощь нужна.

Наталья Петровна, слушая наш разговор, расцветала на глазах.

– Мужчины, вы действительно согласны работать у нас? – спросила она, придя в себя.

Рифат задумчиво почесал лысеющий затылок:

– Это, дамочка, будет зависеть от зарплаты...

– Ну, товарищи, – уже бодро продолжила она, обретя уверенность, что ее никто не собирается убивать или насилловать. – Вы сможете работать через день, ужинать за символическую оплату, а насчет заработной платы, я подумаю, из каких ставок буду ее платить. Сами понимаете, официально вы будете совсем не вышибалами. Так что прошу вас подойти завтра в удобное для вас время.

Когда мы остались вдвоем, Вова спросил:

– А сейчас что от нас требуется?

– Да ничего особенного, тут парнишки совсем края потеряли. Надо их в себя привести.

Сякин ухмыльнулся:

– Интересно сказанул, края потеряли. Никогда не слышал. Ну, пошли. Найдем им края и все остальное.

Когда в зал из дверей зашел хмурый Вова Сякин и, остановившись, обвел взглядом сидевших в нем посетителей, все разговоры разом оборвались.

Вова, аккуратно отодвинув люстру в сторону, прошел в зал, цепляя потолок бритой макушкой, и гулким басом спросил:

– Санек, так, кто тут шумел?

Те, на кого падал взгляд его, изуродованного шрамом лица, быстро опускали головы, надеясь, что шумел кто-то другой.

Я кивнул на троих парней, сидевших за крайним столиком.

В это время в зал зашел Зиганшин, габариты у него были не сякинские, но тоже будь здоров.

Они оба уселись за указанный мною стол, зажав Тараканова с двух сторон.

– Ты вообще понял, придурок, на кого наехал? – ласково спросил Зиганшин.

– А чо, я вроде никого не трогал и вообще спортсменов не касаюсь, – заюлил сразу протрезвевший Валера. Он моментом понял, кто с ним сейчас разговаривает.

Сякин нахмурился, и даже мне, знающему его, как облупленного, реально стало страшно.

– Тогда чего ты моему товарищу по сборной всякую х...ню нес, дерьмом обозвал? За слова отвечать полагается, – прорычал он.

Как троица не обделалась прямо за столом, не представляю. Но сидели они тихо-тихо. Сидевшие за соседними столиками мужики быстро свалили покурить. Случайно получить по голове никто не желал.

Приятель Тараканова тоже наострилы лыжи, но я вовремя успел скомандовать:

– Сидеть!

Парни рухнули обратно на скамейку.

– Так мы, того, не знали, что он боксер, – пытался оправдаться Тараканов.

– Не боксер, а борец, призер чемпионата республики, между прочим, – поправил его Зиганшин. – Ты ему, гнида подзаборная, только на один удар, понял? Нашел на кого прыгать.

Он повернулся ко мне:

– Санек, нам этих мудил бить западло, от них уже пахнет. Они, по-моему, все поняли и больше так не будут. Ведь не будете?

Троица единогласно закивала.

– Не будем, не будем.

– Ну и отлично, – воскликнул Рифат. – А сейчас валите отсюда и учтите, что с завтрашнего дня мы тут стоим на дверях.

Парни, счастливые тем, что им не досталось люлей, вскочили и хотели забрать бутылку водки со стола.

– Со стола ничего не брать, – тихо сказал Зиганшин. Бросая ненавидящие взгляды на нас, троица скрылась в дверях.

Когда они исчезли, Рифат также тихо сказал мне:

– Забирай водюгу в свой бар. Сам знаешь, нам нельзя. Анатолий Владимирович узнает – нам пи...ц. А вот шашлычка мы бы с удовольствием отведали, ты как, Вова, не против?

– Не против, – пробурчал вечно голодный Сякин. Недаром ему на сборы выдавали двойное количество талонов.

Оставив их за поеданием шашлыков, принесенных улыбчивой Зиной, я вернулся за стойку.

Лена, с красными от слез глазами, насыпала кофе в кофеварку. Увидев меня, она шмыгнула носом и, прижавшись ко мне, снова заревела, обливая слезами мою манишку.

Посетители, сидевшие у стойки, с любопытством наблюдали эту сцену. Я неловко погладил девушку по голове.

– Леночка, перестань, никто твоего Валеру не тронул, – попытался ее успокоить.

– А лучше бы тронули! – вскрикнула Сафонова. – Он ко мне уже дней десять пристает, прямо с открытия. Каждый вечер приходит. Ужас как надоел! Наталья Петровна два раза милицию вызывала. Так он на следующий вечер, как штык, снова здесь. Откуда только деньги берет. Хотела заявление на него написать, так участковый сказал: «Елена Сергеевна, такое заявление принять не могу, вот если бы он вам угрожал или, скажем, ударил, тогда мы бы дело завели. А он просто тебе симпатию свою высказывает. Не можем же мы человека арестовывать за то, что в любви признается».

Тут она зло добавила:

– А мне его любовь до фонаря. Конечно, если Валерка так бы к дочери участкового приставал, тот его точно посадил, а я же не его дочка.

Я понял, что излияния могут длиться долго, и хотя мне было приятно чувствовать прижавшуюся ко мне высокую девичью грудь, я отправил девушку в бытовку привести себя в порядок.

Оба моих приятеля быстро расправились с шашлыками и засобирались домой. Но перед этим зашли попрощаться.

Зиганшин, подавая руку, сообщил:

– Знаешь, Санек, а ты здорово изменился. Я тебя видел последний раз в начале июня, когда ты с Лебедевым разговаривал, пацан пацаном. Месяц всего прошел, хватки мужика настоящего появились. Откуда что взялось?

– Точно, – авторитетно подтвердил Сякин. – До нас с Рифатом никак не доходит, как ты ловко всех развел. В драку сам не полез, сообразил нас вызвать и повернул так дело, что все довольны, кроме твоего Таракана. Хотя он тоже доволен, по мордам не получил. А уж Лебедев как будет доволен – пока нас провожал, сто раз повторил: вы там, ребята, осторожней, посуды не наломайте, а если кого бить придется, то очень легонько, в четверть силы. А я разве так могу?

Сказав длинную для него фразу, Вова засмеялся, показывая свой кулак размером с голову ребенка.

По правде, мне было приятно слышать эти слова. Парни ни на мгновение не усомнились в том, что я вызвал их не из-за того, что испугался хулиганов, а поступил как взрослый ответственный человек, чтобы решить этот вопрос кардинально. Да еще нашел им неожиданный приработок.

Ребята ушли, оставив меня в задумчивости. Оказывается, изменения в моем поведении для окружающих очень заметны. Недаром на выпускном вечере я пользовался таким успехом у девочек. Благодаря длинному языку Галины Васильевны они все знали, где я буду работать. Надо сказать, у них моя будущая работа не вызвала такого неприятия, как у взрослых. И мои акции у них заметно выросли. По крайней мере, все, кто меня приглашал на танцы, обещали заходить в бар на «огонек».

Я в это не особо поверил, но все же отметил для себя.

Время приближалось к одиннадцати, Лена, попудрив носик, готовила коктейли запоздалым посетителям, а у меня имелась более ответственная работа. Собрав пустые и полупустые бутылки, я, щелкая косточками счетов, определял, сколько заработали мы для советского государства, а сколько для своего кармана.

По итогам выходило не очень. Рубля по три нам с Леной удалось срубить. Но если еще посчитать практически целую бутылку коньяка и бутылку водки, которые я пушу в дело завтра, то для первого раза у меня все хоккей.

А в том, что клиентура не получает в коктейле десять – пятнадцать граммов водки или коньяка, ничего страшного, побольше льда – и все в порядке, или сухим вином заполировать. Главное, товарищи, – не нагнать! И не зарываться.

Думаю, сегодня Наталья Петровна ожидает от нас недостачи и приятно удивится ее отсутствию. Надеюсь, что она даже обрадуется. Не придется ей объяснять простодушному комсомольцу, что надо делать, чтобы работать без убытков и с прибылью.

Я рассчитывал, что попаду домой ближе к часу ночи, но оказалось, что для развозки работников имелся транспорт. Потрепанный пазик подъехал как раз к закрытию. Мы в это время докладывали Зое о своих достижениях. Наталья Петровна с Гиви Амвросиевичем покинули нас уже в девять вечера. Зоя, как профорг и опытный работник, выдавший виды, быстро проверила мои подсчеты, слегка удивившись отсутствию недостачи. Но ничего не сказала. Засим все было закрыто, обесточено. После чего мы шустро полезли в автобус. Меня, как живущего на окраине, завезли домой последним.

В квартиру я зашел почти в двенадцать часов. Сразу, как меня «уговорили» поработать до закрытия, я отзвонился маме. Поэтому она не сильно беспокоилась. Но все же не спала и сидела на кухне, желая меня накормить.

– Ну что, доволен? – ехидно сказала она, глядя на меня. – Сам себе работу нашел, так что не жалуйся теперь.

– Да я и не жалею, – был мой ответ. – Кстати, ужинать я не буду, боюсь, у меня пузо треснет, так мяса нажрался.

– Ну-ка дыхни, – приказала мама, – я слышала, в кабаках трезвыми не работают.

Я дыхнул, и она разочарованно вздохнула.

– Странная ты женщина, – сообщил я маме. – А мне, к примеру, говорили, что в конструкторских бюро тоже керосинят да еще и интрижки устраивают.

Несмотря на то что на кухне было темновато, мамини покрасневшие щеки выдали ее раздражение.

– Ты на что намекаешь, поганец? – завопила она, забыв, что батя видит десятый сон.

– Да ни на что, – пожал я плечами, – в ресторане, между прочим, работают такие же советские люди, у них есть семьи, дети, а ты их скопом в алкаши записала.

– Ого! – воскликнул отец, заходя на кухню. – Сашка политинформацию матери читает. А ты чего разоралась? – раздраженно спросил он у жены. – Сын с работы пришел, трезвый, вон бидончик принес, наверно, что-то стырил!

– Ничего я не тырил, а купил, – ответил я.

– Это на какие шиши? – воскликнула мама.

– На свои, на какие еще.

– Хватит вам, – прервал нашу беседу батя, – что там у тебя в бидоне?

– Шашлык, Гиви Амвросиевич мне оставил, – буркнул я.

Через минуту мой отец увлеченно ел шашлык прямо из бидона, даже не подогрев.

– Это я вовремя встал, – сообщил он, когда съел половину содержимого. – Эх, хорошо ара готовит!

– Да не ара он, а грузин, – поправил я.

– А какая на хрен разница, – сообщил батя. – У нас все равны: что грузины, что хохлы, даже евреи. Нынче все мы русские.

«Это точно, – подумалось мне, – через пару-тройку лет Леонид Ильич об этом объявит на всю страну. Единый советский народ, понимаешь. И самое смешное, что люди поверят. Хорошо помню, сам искренне верил в эту лапшу. Даже с ушей не стряхивал.

Вот спроси меня сейчас, кто учился в твоём классе, дети каких национальностей? Да мы об этом понятия не имели. Никому до этого дела не было. Прошло всего двадцать три года, и начали увлеченно резать друг друга».

На какой-то момент в душе возникло желание самому прирезать творца перестройки, пока он еще не в Политбюро. Но тут ход моих мыслей нарушила мама, обратившись к отцу.

– Ты, Юра, зря так говоришь. Представляешь, на нашем рынке уже человек десять грузин торгует. Куда это годится? А через десять лет их там сколько будет?

Я засмеялся:

– Мама, какие же это грузины! Они сейчас слишком хорошо живут, чтобы на нашем рынке торговать. Это горцы из автономных республик, у них там в каждом ущелье своя нация имеется и на своем языке говорит. Вот и едут к нам деньги зарабатывать.

– Ты-то откуда так осведомлен? – поинтересовалась мама. – В газетах такого материала не пишут. И вообще, я гляжу, ты последнее время моду взял с родителями спорить. Иди-ка спать, сынок. Завтра рано вставать.

– Ничего не рано, – сообщил я. – Завтра мне к одиннадцати часам нужно подойти, да и то по комсомольским делам.

– У вас там комсомольская организация имеется? – поинтересовался отец, отодвигая опустевший бидончик.

– Имеется, – вздохнул я. – Перед вами ее будущий комсорг.

– Бедный, – искренне пожалела меня мама, она сама много лет занимала такую должность и знала все тонкости этой работы, в том числе как можно сделать человека комсоргом без всяких собраний и заседаний. – Значит, все от стенгазеты до сокобязательств у тебя на шее повиснет.

– Ну, не совсем все, – попытался бодриться я. – У нас профорг девушка сообразительная, симпатичная.

– А сколько этой симпатичной лет? – сразу заинтересовалась маман.

– Не переживай, намного больше, чем мне.

– Все, хватит разговоров, – скомандовал батя. – Мне, в отличие от вас, надо на работу к восьми, так что разошлись по кроватям... Завтра с утра продолжите обсуждение комсомольской работы в отдельно взятом учреждении.

Утром, на всякий случай, отправился на работу раньше. Хоть припрятанные бутылки вряд ли кто-нибудь смог найти, я переживал, что их все же обнаружат.

Наталья Петровна особо не удивилась моему раннему появлению и сразу сообщила:

– Очень хорошо, что ты пришел пораньше. Сейчас мы проведем комсомольское собрание.

Не успел я оглянуться, как в кабинете собрались все комсомольцы, включавшие в себя четырех официанток, посудомойку и кладовщицу.

Председательствовала на собрании Зоя Гаранина, мы быстро выбрали секретаря в лице ее напарницы Зины Бахиревой. Через пять минут я был выбран комсоргом, повестка дня была исчерпана, и все хотели разбежаться.

– Нет, дорогие мои, так дело не пойдет, – громко высказался я. – Мы не обговорили несколько важных моментов. И первое – это повышенные социалистические обязательства. В такое тревожное время, когда американские империалисты угрожают существованию нашей страны, мы, комсомольцы, должны своей ударной работой помочь нашей родной коммунистической партии в деле борьбы мир во всем мире. Мы должны помогать голодающим детям Африки и ее народам, борющимся за свое освобождение от ига западных колонизаторов.

Я с удовольствием прикалывался еще несколько минут. Кто бы посмел прервать эти слова? Затем резко оборвал демагогию и, улыбнувшись, сказал:

– Короче, один всю работу волочь не собираюсь. Сейчас выберем редактора стенгазеты, потом в рабочем порядке обсудим с профоргом социалистические обязательства. Те, что висят в коридоре, – это пародия просто. Их лучше никому не показывать.

После моего выступления на короткий миг наступила тишина.

– Однако! – громко произнесла директорша. – Такой речи из уст младенца я еще не слышала. Так, товарищи, собрание закончилось, расходимся по рабочим местам. А вы, молодой человек, оставайтесь, – обратилась она ко мне.

Когда мы остались вдвоем, она проникновенно посмотрела мне в глаза и спросила:

– Саша, признайся честно, кто под меня копает?

– Да вы что говорите, Наталья Петровна, какие подкопы?

– Простые, милок, простые. Какой из тебя школьник, у нас инструктора в райкоме так не могут собрание вести. А ты якобы школьный комсорг, не смеши мои седины.

«Вот блин! Перестарался», – подумал я.

– Так, Наталья Петровна, во-первых, никаких седин у вас нет, во-вторых, все очень просто проверить: позвоните в школу, уточните, кто я такой, да в конце концов у меня одноклассников полно, можно у них обо мне узнать.

Подумав, директор несколько успокоилась, действительно, вариант с засылкой стукача в моем лице выглядел совсем неправдоподобно.

Зато разговаривала она со мной сейчас не как с мальчишкой, а как с вполне даже взрослым человеком.

Воспользовавшись моментом, я изложил свои мысли по поводу дооборудования бара.

Наталья Петровна согласно кивала, когда я перечислял, что будет нужно для нормальной работы.

Споткнулись мы на магнитофоне.

– Сколько-сколько твой японский магнитофон стоит? – воскликнула она в изумлении.

– Тысячи полторы, – спокойно повторил я. – Возможно, дороже.

– М-да, задачку ты задал, – сообщила женщина, – меня в тресте могут не понять с такими запросами.

– Понимаете, Наталья Петровна, у нас сейчас просто нет в стране нужной техники. Эта «Яуза» – просто позорище. А ведь к нам иностранцы могут зайти. Последнее время финны приезжают, что они потом у себя о нас напишут?

– А это идея, – лицо директорши просветлело. – Может сработать. Слушай, Саша, я тебе записочку напишу, сходи в комиссионку, знаешь, через квартал от нас. Записку отдашь заведующей магазином. Посмотри, что у нее в заглавнике имеется. А то в Питер собираешься, там тебе за такие деньги голову оторвут.

«Ну, это вы меня недооцениваете, мадам Авдеева, – подумал я. – А вот идея с комиссионкой мне в голову не пришла, это минус».

Сунув записку в карман, я отправился в комиссионный магазин. Июль не радовал погодой, на улице моросил дождь.

«Как здорово быть снова молодым», – думал я, не обращая внимания на капли дождя, бившие в лицо.

В магазине было пусто. Несколько молоденьких продавщиц что-то обсуждали, собравшись у кассы. На меня они обратили внимания не больше, чем на муравья.

– Как бы мне увидеть Ирину Алексеевну? – спросил я, обращаясь к их спинам.

Имя и отчество заведующей произвели нужный эффект. Девчонки перестали смеяться и повернулись ко мне.

– Что вы хотели, молодой человек, от заведующей? – спросила женщина, сидевшая за кассой.

– Мне нужно поговорить по личному вопросу, – был мой краткий ответ.

– Вера, проводи, – подумав, сказала женщина.

Одна из девушек подошла ко мне и сказала:

– Пойдем, я тебя провожу.

Ирина Алексеевна оказалась молодящейся женщиной пятидесяти лет. Одета в строгий кримпленовый костюм темно-голубого цвета, выглядела она очень неплохо.

Когда она устремила вопросительный взгляд, я протянул ей записку Натальи Петровны.

Прочитав ее, Ирина Алексеевна сразу превратилась из строгой директрисы в обаятельную женщину.

– Так вы, юноша, решили пойти в торговлю, молодец, очень правильный шаг с вашей стороны. Нам нужны мужчины в наших рядах.

Она спросила, как здоровье Натальи Петровны, пообещала обязательно посетить наше заведение, и после этого мы отправились на экскурсию по кладовым, где лежали товары, не выставленные на всеобщее обозрение.

Заведующая несколько удивилась отсутствию интереса с моей стороны к одежде, обуви и прочим аксессуарам, но, видимо, отнесла это на счет мужского склада ума.

Полка с электроникой меня откровенно разочаровала, там, собственно, не было ничего хорошего. Огромный вертикальный «Акай» с выносными сверкающими колонками выделялся среди этого барахла, как бриллиант.

Естественно, мой взгляд сразу был прикован к нему.

– А можно включить? – спросил я у спутницы. Та милостиво кивнула.

Катушки лавсановой пленки уже были на своих местах, поэтому я только включил магнитофон в сеть и нажал пуск.

Катушки закрутились, пуская разноцветные блики, а из колонок послышалась знакомая большую часть жизни, мелодия «Роллингов» – «I can't get no satisfaction».

«Неплохо», – подумал я, выключил магнитофон и задал естественный вопрос:

– А сколько стоит это японское диво?

– Две четыреста, – скривившись, ответила Ирина Алексеевна.

Свой следующий вопрос задать не успел. Заведующая ответила раньше:

– Магнитофон держали под заказ, но этому человеку на ближайшее время не до магнитофонов. Так что если вам он подходит, можете покупать.

– Понятно, – сообщил я. – А возможно поддержать его еще несколько дней, пока Наталья Петровна решит вопрос с деньгами?

– Конечно, – улыбнулась Ирина Алексеевна, – мы же должны помогать друг другу. К примеру, если я с девочками захочу попасть в твой бар...

– Без проблем, – заверил я. – В любое время дня и ночи, когда мы работаем.

Обратно, однако, я шел в задумчивости. Все-таки цена магнитофона была велика. На эти деньги можно сейчас купить новенький «Запорожец».

«Ну, не будет денег, значит, не судьба», – успокоив себя таким выводом, зашел в пашлычную.

Наталья Петровна цене особо не удивилась и рассказала мне, что с утра поинтересовалась этим вопросом и дешевизны не ожидала.

– Завтра на работу Виноградов выйдет, а мы с тобой сходим в трест. У меня там куча дел. Ты зайдешь в комсомольскую организацию. У нас в ней работает освобожденный секретарь комсомольского комитета, Валера Незванцев. Деловой такой парень. Думаю, ты с ним общий язык найдешь. А потом мы вместе с тобой зайдем к директору. Лев Абрамович Шмуленсон у нас с прошлого года работает, как трест ресторанов и кафе выделили в отдельную единицу. Очень проницательный человек. Так что готовь свои аргументы. У нас ведь и без твоей музыки народа полно. План мы пока тянем. Сможешь мотивировать перевыполнение плана – получим финансирование, не сможешь – не получим, все просто. Финансирование фондировано, свободные средства под колпаком. Ревизоры и ОБХСС над нами коршунами выются, усекаешь?

– Усекаю, – кивнул я. – Чего же тут не понять. Известное дело. Безналичные деньги – это не деньги, а только фикция. Они вроде есть, а вроде и нет. А наличман – это наличман.

Наталья Петровна глянула на меня с уважением:

– Интересный ты паренек, Саша, вроде молоко на губах не обсохло, а кое-что понимаешь. Откуда только? У тебя мама случайно не бухгалтером работает?

– Нет, мама у меня инженер-конструктор. А это я самообразованием занимаюсь, умные книжки пытаюсь читать.

Вторая половина дня пролетела незаметно. Народ валил валом. Хорошо, что после обеда на дверях уже стоял Зиганшин. Он действовал так, как будто век занимался этим делом.

Я тем временем ухитрился использовать в дело все сэкономленные спиртные напитки.

В районе четырех часов в бар зашли два слегка поддатых мужчины. Их поведение заставило насторожиться. Они по-хозяйски устроились за столиком, потом один из них громко позвал меня.

– Эй, паренек, подойди сюда!

Я сделал вид, что ничего не слышу. Через минуту мне вновь крикнули то же самое.

– Ты чего дурака валяешь, не идешь, когда тебя зовут, – прошипел мне в лицо один из них, подойдя к стойке и положив руки на нее так, чтобы были видны татуировки перстней на руках.

– А вы звали? – поинтересовался я, наливая кофе двум девушкам.

– Ты чё, глухой? Конечно, звали. Сделай нам пару коктейлей и кофе.

Я кивнул и приступил к делу.

– Послушай, паренек, ты, наверно, не в курсах, что к некоторым людям надо проявлять особое уважение, – продолжил он свое нравоучение.

– Это к вам, что ли? – спросил я.

– Не надо грубить, фраерок, мы только с кичи откинулись, не нарывайся.

– Да мне по хрен, откуда вы вылезли, с кичи или не с кичи. Ведите себя правильно, и не будет проблем, – сообщил я. – Вот ваши коктейли, с вас шесть тридцать.

Мужчина кинул на стойку десятку.

– Сдачи не надо. А с тобой придется побеседовать, уму-разуму поучить, – сообщил он и, пошатываясь, понес коктейли к своему столу.

– Ты зачем так с эками разговаривал? – зашептала мне в ухо взволнованная Ленка. – Их наверняка Тараканов сюда отправил. А я только успокаиваться начала.

– Не бери в голову, – сказал я. – Они все на словах храбрые, на понт берут, особенно друг перед другом. А как один на один, ссыкуны еще те, действительно серьезные ребята дешевыми понтами не раскидываются и перед нами пальцами не крутят. Не похоже, что они от твоего ухажера, тот для них не авторитет. В тюрьме не сидел, просто местный хулиган, и все.

У бывших эка денег было немного, выпив по коктейлю, они засобирались на выход. Мне показалось, что они хотели еще что-то мне сказать, но, оценив габариты Зиганшина, мирно распивающего чай с гардеробщицей, предпочли уйти по-тихому.

«Черт возьми! – подумал я. – Ведь хочешь, не хочешь, придется как-то строить отношения с криминалом. Конечно, до рэкета девяностых еще далеко, но как-то надо авторитет зарабатывать. Хорошо Виноградову, он чемпион города по боксу в среднем весе, его каждая собака знает. А про мои достижения только Зиганшин истории рассказывает. Кому интересен пацан, занявший третье место в республике по вольной борьбе среди юношей, только тренеру, да и то Лебедев уже в той жизни честно признался, что не будет у меня будущего в борьбе, конституция не та».

Сякин с Зиганшиным меня в баре, конечно, прикроют, но надо сделать так, чтобы и в других местах до меня просто боялись докапываться.

В пять часов Лена ушла домой, и я остался один на хозяйстве. Менялись посетители, кто-то приставал с разговорами, кто-то наоборот вел себя очень робко. Все стулья у стойки оккупировали девушки и испытывали на мне свое красноречие. Вчера, кстати, такого не наблюдалось. Что было вполне понятно. При взгляде на Сафонову они испытывали чувство неполноценности, примерно как в будущем испытывали школьницы, разглядывая в журналах отфотошопленные фотографии актрис и певичек.

Сейчас же Ленки не было, и девицы клеили меня по всем правилам.

«Вот что такое не везет, – думал я. – Столько девушек, притом готовых если не на все, то на многое, а у меня Сафонова из головы не выходит. Скорей бы Генка вышел на работу, может, удалось бы с ней поближе познакомиться в неформальной обстановке».

Из-за наплыва посетителей поужинать не удалось. Но я заранее приготовил судки, в которые мне положили несколько порций шашлыка. Отцу очень понравился второй ужин. Вообще питание работники оплачивали без наценки, по себестоимости. Но это официально. Неофициально ели все сколько хотели. Посудомойки уносили с собой все отходы для своих кошек и собак. Повара несли в авоськах продукты. Ну, а Наталья Петровна и кладовщица в этом деле были вообще вне категории. Только Гиви Хорбаладзе не уносил ничего. Но это было понятно, директор делала это за него.

Я, тем не менее, осторожничал, поэтому в кармане у меня лежал чек, пробитый на кассе.

Перед закрытием подсчитал свои доходы, оказалось, что они достигли двенадцати рублей.

Домой я приехал вновь около двенадцати часов. На этот раз никто меня не ждал. Я убрал судки в холодильник и, выпив чаю, улегся спать.

Придя на работу, я обнаружил за стойкой Виноградова. Он работал в черных очках, но из-под их краев все равно виднелись багровые кровоподтеки.

– О! Санек! – радостно завопил он при виде меня. – Сколько лет, сколько зим! Ну, теперь мы тут с тобой шороху дадим. Ты, говорят, уже японский магнитофон пробил? Честно, не ожидал от тебя такой шустрости, да и вообще не думал, что ты к нам устроишься. Давай махнем по песням за встречу.

– Гена, привет! Какие песят, мне в трест надо сегодня. Идем вместе с Натальей Петровной. А собственно, ты чего с утра на поддаче? – спросил я.

– Так праздную, – сообщил Гена. – Закончил со спортивной карьерой, вчера меня Левин погнал с тренировки. Сказал, нам алкоголики не нужны.

«Вот это дела! – расстроился я. – Рассчитывал на трезвого напарника, а он, оказывается, закусил, да так, что тренер выгнал. Интересно, а на работе он также квасить будет? Только этого для счастья не хватало».

Поговорив с ним еще пару минут, я пошел к Наталье Петровне. Та явно была не в духе. И вполне понятно почему.

Она сделала несколько звонков, и мы отправились на своих двоих в трест. Персональных машин для мелкой номенклатуры не предусматривалось. В эти годы город практически не строился, поэтому все учреждения располагались в центре. Сейчас наша шашлычная располагалась на улице Комсомольской. Но я был единственным, кто знал, что через несколько лет она станет улицей Андропова, потому что управление КГБ располагалось на этой же улице, метрах в трехстах от нас. И работающие там товарищи частенько посещали наше заведение.

Когда мы зашли в здание, где первый этаж занимало наше начальство, меня сразу посетило дежавю.

Длинная ковровая дорожка, лежащая в коридоре, и таблички с давно забытыми надписями: профсоюзный комитет, партком, комитет ВЛКСМ – будили странные ощущения неподобности.

«Перестань, – скомандовал я себе. – Теперь тебе в этом жить, и как ты бы ни хотел изменить окружающее, ничего из этого не выйдет. От тебя только требуется, пользуясь знанием будущего, прожить свою жизнь по-другому».

Около комитета ВЛКСМ Наталья Петровна остановилась и без стука зашла в кабинет.

Навстречу нам поднялся из-за стола молодой парень, подстриженный под полубокс.

– Добрый день, Наталья Петровна, с чем пожаловали? – спросил он.

– Здравствуй, Валера, хочу представить тебе нашего комсорга: Сапаров Александр Юрьевич, прошу любить и жаловать, работает у нас с позавчерашнего дня барменом. Закончил десять классов, имеет опыт комсомольской работы. Ну, в общем, я пойду, а вы тут без меня побеседуйте, свои вопросы решите.

Довольная, как танк, тем, что наконец спихнула на кого-то всю комсомольскую мутотень, директор выскочила из кабинета, оставив нас вдвоем.

Когда дверь за ней закрылась, Валера насмешливо улыбнулся:

– Вот все они так. Когда сверху потребуют субботник организовать или еще что-нибудь, самодеятельность к примеру, так сразу, комитет комсомола, проявите инициативу. В общем, как везде, пока гром не грянет, никто не перекрестится.

Он снова уселся за письменный стол, закурил длинную тонкую сигарету – такие не найти в продаже днем с огнем – и предложил:

– Ну, ладно, давай присаживайся, расскажи о себе, как докатился до такой жизни. Как стал комсоргом, можешь не рассказывать, и так все понятно. А вот свой путь до работы освети подробней.

Мой рассказ много времени не занял. Однако Валера слушал меня внимательно. Потом попросил показать комсомольский билет.

– Интересный ты человек, Александр, – выдал он наконец.

– Чем же? – удивился я.

Он улыбнулся:

– Ну, к примеру, я окончил школу с золотой медалью и поступил в Ленинграде на экономический факультет университета. Там занимался комсомольской работой. Здесь в тресте

начинал работать экономистом. Затем мне предложили должность освобожденного секретаря комитета ВЛКСМ, я согласился и пока работаю на этом месте.

– Затем райком ВЛКСМ, затем обком, затем кандидат в члены КПСС и работа в партийном аппарате, – продолжил я за него.

– Видишь, Саша, ты все понимаешь, оказывается, – засмеялся Валера, глядя на меня глазами сообщника. – Чего же тогда начал так нестандартно?

Я глядел на молодого карьериста и думал, что ему ответить на вопрос. Не расскажешь ведь, что уже один раз прожил стандартную жизнь, а сейчас душа просит чего-то такого, а чего и сам не понимаю.

Видимо, я слишком долго думал, потому что Валера сказал:

– Ладно, не переживай, у каждого в жизни свои обстоятельства, давай лучше поговорим, как ты видишь свою задачу в работе комсомольской организации. Надеюсь, ты понимаешь, что сбором членских взносов не отделаешься.

Мы довольно быстро нашли общий язык, договорились по всем вопросам. Валерий пообещал со стороны комитета комсомола всю возможную поддержку моим начинаниям.

– Что могу сказать, Александр, мне с тобой было легко разговаривать, – признался под конец разговора мой собеседник. – Не с каждым так получается.

«Еще бы, – подумал я. – Мы сейчас разговаривали, отлично понимая друг друга, прикрываясь высокими словами о комсомольском долге, ленинских принципах и идеалах марксизма-ленинизма».

– Ну, на сегодня мы все вопросы порешали, – с этими словами Валерий поднялся, дружелюбно хлопнул меня по плечу и добавил: – Сейчас с тобой еще переговорит один товарищ, и можешь быть свободен.

Он вышел из кабинета, а я остался сидеть в недоумении, кому я еще понадобился.

Пару минут спустя в кабинет зашел молодой мужчина. Что-то в нем было знакомое.

«Ба! Да этот мужик у меня вчера в баре ошивался, да еще в компании», – неожиданно вспомнил я.

– Привет, Александр, – оживленно заговорил вошедший. – Вижу, узнал меня. Действительно вчера я заходил в бар. Решил глянуть на нового бармена.

– А чего от меня понадобилось комитету? – настороженно спросил я.

Мужик опешил. Какое-то время он разглядывал меня, как опасное насекомое. Однако он быстро собрался с мыслями и вновь улыбнулся.

– Хм, а для вчерашнего школьника голова у тебя неплохо соображает, – сообщил он, усаживаясь рядом со мной. – Меня зовут Денис Александрович, может, тогда подскажешь, о чем я хотел поговорить.

– Подскажу, – кивнул я. – О том, что следует при подозрительном поведении работников шашлычной или посетителей сообщать об этом вам или Валере Незванцеву.

– Отлично! Голова у тебя действительно варит, – воскликнул собеседник. – Надеюсь, ты понимаешь, что такое подозрительное поведение?

– Ну, наверно, хищение социалистической собственности? – предположил я.

– И это тоже, – согласился Денис Александрович. – Понимаешь, Сашок, жизнь сложная штука, в ней от воровства до предательства Родины один шаг. Запутался в воровстве – тут тебя подловит американский шпион.

Я пренебрежительно хмыкнул:

– В шашлычной самое то шпионить, рецепты шашлыка собирать.

– Не скажи, друг ситный, вот ты, например, стоишь за стойкой, подойдет к тебе военный и что-нибудь по пьяни разболтает. Вот такие товарищи нас интересуют. А по тем, кто продукты выносит, пусть голова у ОБХСС болит. Финны к вам частенько заглядывают, нас интересуется, кто к ним подсаживается знакомиться. Так что если что заметишь, звони Валерию

Николаевичу, если сообщение покажется серьезным, мы с тобой встретимся. Ты, как советский человек, комсомолец, должен помогать комитету госбезопасности. Мы защищаем завоевания нашего Советского Союза. Все понял?

– Да, конечно, спасибо за доверие, Денис Александрович, я постараюсь его оправдать.

Минутой спустя, когда парнишка вышел из кабинета, туда зашел Незванцев.

– Ну, как прошла беседа? – спросил он у задумчиво пускающего кольца дыма Дениса.

– Понимаешь, Валера, еще не разобрался. Вообще у меня ощущение, что меня каким-то образом провели. Ты представляешь! Жизни не знающий пацан с ходу понимает, кто с ним будет говорить и зачем.

– Я тебе, Денис, больше скажу, – признался Валера. – Когда с ним разговаривал, было ощущение, что он считает меня несмышленным мальчишкой.

– Точно, именно такое ощущение было и у меня, – согласился Денис.

Они посмотрели друг на друга.

– Надо бы конкретней в его биографии копнуть, – сказал Валера.

– Ты же знаешь, мы всех ваших работников, задействованных на обслуживании иностранцев, проверяем, дойдет очередь и до него. Если что интересное будет, сообщу. Ты же у нас главный дятел в дупле, – засмеялся Денис.

Комсомолец поморщился:

– Ты говори, да не заговаривайся, товарищ лейтенант. Имей уважение, я все же старше тебя на два года. Ты у меня третий куратор, да еще такой несолидный.

Я вышел в коридор и огляделся, после чего направился к массивной двери, буквально кричавшей, что за ней восседает очень важное начальство. Присев на стул рядом с кабинетом, стал дожидаться появления Натальи Петровны.

Действительно, та вскоре вышла из этих дверей, увидев меня, сообщила:

– Никуда не уходи, я скоро вернусь.

Пришлось ждать еще с полчаса до прихода начальницы.

Та явилась явно в приподнятом настроении и, взяв меня с собой, прошла в кабинет управляющего трестом.

Солидный еврей средних лет восседал на обычном стуле, за обычным письменным столом. Словом, ничего особенного. На столе в простом письменном приборе в стаканчике стояли простые перьевые ручки, и только китайская самописка с золотым пером свидетельствовала о ранге начальства.

– Вот, товарищ Шмуленсон, знакомьтесь, наш бармен Александр Сапаров.

Лев Абрамович улыбнулся:

– Здравствуйте, молодой человек, наверно, гадаете, для чего я вас вызвал?

– Гадаю, – согласился я. – Хотя причину примерно представляю.

– Ну и какова она?

– Думаю, все из-за моих предложений, в частности, из-за магнитофона.

– М-да. Вы совершенно правы. Скажите, Саша, вы ведь никогда не работали в торговле?

– Да, вы тоже правы, не работал.

– Тогда, может, поделитесь с нами, откуда у вас знания по работе в баре.

Я с недоумением посмотрел на Наталью Петровну и сделал вид, что что-то вспомнил.

– Лев Абрамович, я занимаюсь в секции вместе с барменом Геной Виноградовым, три года слушал его рассказы, отчего и сам решил пойти на работу в бар.

Наталья Петровна с укоризной уставилась на меня, типа чего же ты сразу не сказал, а Шмуленсон с таким же укором посмотрел на нее.

Я уже знал, что она хочет спросить, и быстро выдал:

– Наталья Петровна, я тогда вас не обманывал, я не боксер, а борец, просто мы занимаемся в одном зале.

– Теперь все понятно, – сообщил управляющий. – А то Наталья Петровна была озадачена твоими успехами. Отработать первый день без недостачи дорогого стоит. Тем более что тебе никто не помогал советами.

Меня попросили еще немного подождать в коридоре.

Вскоре вышла Наталья Петровна и сразу сообщила:

– Берем твой магнитофон по безналу. На наше счастье, в этом году остается прилично денег по этой статье расходов, почти тютельница в тютельница на магнитофон.

Прошло две недели. Я, как обычно, стоял за стойкой. С Виноградовым мы договорились работать через день, а наша профорг закрыла глаза на нарушение трудового законодательства. В баре было жарко, поэтому на мне была белая рубашка с коротким рукавом да легкие брюки песочного цвета. Только черная бабочка на шее говорила о статусе бармена. Сейчас напротив меня сидели два моих одноклассника, держа в руках по коктейлю.

Сережка Симбирцев, наш серебряный медалист, с удовольствием рассказывал о том, как сдавал экзамены на медфак. И в то же время искоса кидал завистливые взгляды на мой прикид.

Естественно, на мне был не ширпотреб. Я теперь покупал одежду только в комиссионном магазине. Ирина Алексеевна после вечера, проведенного в баре, сама позвонила на следующий день и пригласила заходить к ним на огонек.

В соседнем гастрономе, когда я зашел туда кое-что купить по мамину заказу, продавщицы встретили меня улыбками и перешептываниями.

Короче, вокруг принесенной домой свинины мама ходила кругами, говоря, что никогда такой не видела. А коробку зефира в шоколаде она спрятала в сервант, якобы на праздник. Она почему-то думала, что мне просто повезло его купить. Только после настойчивых уверений, что это не последний зефир, мамуля выложила его на стол.

Мои бывшие одноклассники, конечно, вслух ничего не говорили, но были слегка подавлены окружающей обстановкой.

В полутемном баре на потолке медленно крутились огромные лопасти вентилятора, развеивая сигаретный дым. За моей спиной на полках среди бутылок вспыхивала цветомузыка, сварганенная одним из любителей шаровой выпивки. Из колонок доносилась музыка The Doors, хриплый голос Джима Моррисона бил по ушам.

– А ты неплохо устроился, – прервал хвастливые рассказы Симбирцева Вовка Охотников.

Было понятно, почему он так говорит. Вовану не повезло: вступительные экзамены на факультет промышленного и гражданского строительства он завалил. Второго шанса у него не будет, его ждет весенний призыв, собственно, как и меня. Вот только работы у него на данный момент нет.

Пожав плечами, я философски сообщил:

– Каждый устраивается как может.

Вовка согласно кивнул и в два глотка допил коктейль.

– Слушай, налей мне просто водки, грамм сто, – попросил он.

Сережка неодобрительно глянул в его сторону:

– Вовка, может, хватит тебе?

В этот момент в бар вошла Сафонова. Подойдя к нам, она тронула меня за плечо и попросила:

– Саша, милый, зайди к нам в подсобку, пожалуйста, девочки просили помочь кое в чем.

Если бы мне было по-настоящему семнадцать лет, то удовольствие от открытых ртов одноклассников было бы вообще бесподобным. Но даже сейчас мне было приятно видеть их оторопь.

– Сашка! Серьезно? Это твоя девушка? – с придыханием воскликнул Симбирцев, когда Лена ушла.

«М-да, Ленкина внешность валит наповал, – подумал я. – Самое интересное, что она сама этого никак не может понять».

– Да, везет некоторым, – сказал Вовка, когда я согласно кивнул на вопрос Сережки.

– У нас тоже будет девок полно, – сообщил Симбирцев. – На одного парня штук по пять придется. Осенью поедem на картошку, там найду себе не хуже, чем у Сашки.

Сказав это, он испытующе глянул на меня.

«Пой, ласточка, пой, – насмешливо подумал я. – Такую девушку, как Лена, поискать придется. Это мне так незаслуженно повезло».

Ребята вскоре попрощались и ушли по своим делам. Я же отправился в подсобку персонала, где разболталась розетка для электрочайника.

Несложный инструмент был давно принесен из дома, поэтому я быстро вкрутил ослабшие шурупы, за что был ласково расцелован в щеки. Я бы с удовольствием продолжил это дело, но увы.

Вернувшись на рабочее место, снова вспоминал, как развивались мои отношения с Леной.

На первое предложение погулять в выходной день по городу она по-настоящему испугалась.

– Саша, ты же знаешь, что Валерка всех колотит, кто на меня внимание обращает, – воскликнула она.

– То есть против самого предложения ты ничего не имеешь? – улыбаясь, осведомился я.

– Ну да, – растерянно ответила девушка.

– Тогда завтра встречаемся в одиннадцать часов у памятника Ленину и идем гулять, договорились?

– Договорились, – прозвучал задумчивый голос Сафоновой.

«Ура!» – мысленно воскликнул я. До этого надежд на положительный ответ я особо не лелеял. Лена за день работы выслушивала десятки комплиментов и различных предложений, как любая красивая девушка, и всем категорически отказывала. Зинка Бахирева мне по секрету сообщила, что Лена живет у тети, которая ее держит в «черном теле». А на работу официанткой в шашлычную Лену устроила Наталья Петровна, давнишняя тетина приятельница.

На следующий день я к одиннадцати часам уже подходил к памятнику Ленину. Огромный каменный монумент нависал над небольшой круглой площадью. Около него, как обычно, былолюдно. Большинство ожидающих были здесь с той же целью, что и я.

Мы подошли к месту встречи практически одновременно. Лена, одетая в цветастое ситцевое платье, шла мне навстречу упругой походкой гимнастки, сопровождаемая восхищенными мужскими взглядами.

Собираясь на прогулку, она надела туфли на низком каблуке и сейчас была чуть ниже меня.

Мы смотрели друг на друга и не знали, что сказать. На несколько секунд наступило неловкое молчание.

Затем я рассказал свои планы, и мы направили свои стопы в парк культуры и отдыха.

В этот день в нем не осталось ни одного аттракциона, который бы мы не испытали. К двум часам, когда они все же закончились, захотелось перекусить.

– Пошли в ресторан, – предложил я. – Пообедаем, потом продолжим прогулку.

Услышав мои слова, Лена поскущела и стала отказываться. Было件нятно, что денег с собой у нее мизер. Пришлось успокаивать ее и заверять, что пообедать мы сможем вполне.

В ресторане в это время практически никого не было. Мы просидели в ожидании официанта минут тридцать. Наконец он подошел к нам.

Его непроницаемое лицо через мгновение расплылось в улыбке.

– О! Какие люди! Рады вас видеть, решили попробовать другую кухню, наверно шашлык надоел?

– Добрый день, – поздоровался я. – Да нет, не надоел, просто гуляли по парку, решили к вам зайти, пообедать.

– Ну, что же вот, пожалуйста, меню, но я бы посоветовал вам на закуску крабовый салат, мясо в горшочке с грибами и клюквенный морс. Если желаете первое, то есть суточные щи, солянка.

– Хорошо, – согласился я. – Давайте щи и мясо в горшочке.

– Спиртное будете заказывать?

Ленка в ужасе замотала головой.

– Нет, спасибо, – поблагодарил я. – Обойдемся без него.

– Саша, – тихо прошептала мне на ухо спутница. – Посчитай, сколько стоит обед. Если не хватит, у меня есть трешка.

«Вот святая простота, – думал я, – работает официанткой, пусть недолго, но ведь не в пустоте живет. Прекрасно знает, кем я работаю, и считает, что у меня нет денег. Действительно, тетя ее в „черном теле“ держит!»

В ресторане кроме нас не было ни души, и скучающий официант присел к нам за стол. Вскоре мы узнали, что Коля работает тут второй год и собирается уходить. Его зовут в вокзальный ресторан, в народе получивший название «Под шпилем».

– Понимаете, – с жаром рассказывал он, – нет тут лавэ ни фи́га. Днем посетителей мало, а вечерами одни свадьбы. Не то что у вас, – добавил он с оттенком зависти. – Ваш «Кавказ» на проходном месте стоит.

Какое-то время мы обсуждали проблемы ресторанного бизнеса и пришли к выводу, что шесть заведений на трехсоттысячный город крайне мало. Из-за чего вечерами на всех дверях висят таблички «Мест нет» и стоят очереди неудачников.

Лена во время нашей беседы молчала, лишь когда мы вышли на улицу, она внезапно спросила:

– Саша, скажи, пожалуйста, почему ты решил пойти работать барменом?

– С какой целью интересуешься? – шутливо переспросил я.

– Понимаешь, ты умный парень, а пошел на работу без перспективы. Так и будешь всю жизнь стоять за стойкой?

Я засмеялся:

– Лена, ну конечно нет, бармен – это только один шаг в пути под названием «жизнь». У меня много планов на будущее. А ты сама долго планируешь работать официанткой?

– Не знаю, – Лена пожала плечами, – я в прошлом году не прошла по конкурсу на биофак. Пошла на вечерний факультет. Тетя посоветовала устроиться санитаркой в больнице. Я полгода поработала и поняла, что больше не могу, не мое это. А тут Наталья Петровна взяла меня к себе. Сказала, что на сессии будет отпускать без проблем и поможет освоиться на работе. Первые дни было тяжело, особенно вечерами, никогда не думала, что мужчины могут быть такими ужасно приставучими.

На эти слова я мысленно засмеялся. Ленка просто не понимала, как ей повезло с внешностью. Мужики к ней цеплялись гораздо реже, чем к той же Зинке Бахиревой. Они просто боялись заговорить с такой красавицей, подсознательно считая, что та достойна гораздо лучшего кавалера.

Это я со своим жизненным опытом понимал, что долговременной осадой можно взять любую крепость. Но тем, кто приходит в ресторан, крепости не нужны.

– Пойдем к озеру, – предложил я. – Там не так жарко.

Мы вышли на каменистый берег Онеги, здесь действительно было прохладней. Набережной из гранитных плит еще не было и в помине.

Немногочисленные загорающие, сидевшие на камнях, навели меня на новую мысль.

– Слушай, давай съездим в Пески, посидим на пляже.

– У меня же нет купальника, – неуверенно сказала Лена.

– Ну так мы в воду и не полезем, – ответил я.

Через полчаса мы с облегчением выбрались из душного автобуса и направились к пляжу.

Здесь тоже народа было немного, рабочий день все-таки.

Лена сняла туфли и босиком пошла по горячему песку. Я последовал ее примеру. Минут двадцать мы прогуливались по кромке воды, потом я предложил:

– Может, все же искупаемся?

– Саш, я же тебе сказала, у меня нет купальника.

Я посмотрел на девушку – под тонким платьем был заметен бюстгальтер.

Лена зарделась.

– Ты чего так смотришь?

– Ну, ты же не голая, давай отойдем подальше, если ты стесняешься купаться в белье.

Предлагал я на авось, думая, что Лена откажется. Но та неожиданно согласилась.

Пройдя по открытому пляжу, мы углубились в заросли ивы, прошли немного по узкой тропке и оказались на берегу небольшой бухточки.

Я скинул одежду и в плавках ринулся в воду. Уже оттуда наблюдал, как моя спутница аккуратно сложила платье и, оставшись в розовых трусиках и бюстгальтере, шагнула вслед за мной, и мы начали весело бултыхаться.

Вода оказалась холодной, поэтому купание не затянулось, мы выбрались на берег в мурашках.

– Отвернись и обещай, что не будешь подглядывать, – потребовала Лена, – я выжму белье.

– Обещаю, – сказал я и отвернулся.

За спиной послышался шорох.

Я повернулся: Лена стояла обнаженная, выжатые трусики висели на ветке ивы, а бюстгальтер был у нее в руках. Ее красота просто сводила с ума.

Я судорожно сглотнул и, сказав: «Я тебя обманул», – прижал ее к себе и принялся целовать.

Мокрый бюстгальтер охлаждал мой живот. К груди прижались ее твердые соски.

Через секунду руки Лены обвились вокруг меня, и она начала неумело отвечать на мои поцелуи.

Как мне удалось справиться с собой, не понимаю, но объятия я разжал. После чего поднял с земли упавший бюстгальтер и молча протянул его девушке.

Она шалыми глазами продолжала смотреть на меня. Затем, схватив свою вещь, прошептала:

– Ну пожалуйста, отвернись, я стесняюсь.

Ей действительно было стыдно. Покраснела она с ног до головы. Пришлось снова отворачиваться, и на этот раз до тех пор, пока мне не сообщили, что уже все сделано.

Лены стояла в своем платье и пыталась расчесать мокрые волосы. Только красные пятна на щеках напоминали о том, что сейчас случилось.

– Прости, – со скорбным видом пробурчал я, не испытывая на самом деле никакого раскаяния. Наоборот, все шло просто отлично. Если бы я не нравился девушке, со мной бы так не целовались.

– Ты нахальный обманщик, – констатировала Лена, все еще переживавшая случившееся событие. – Я тебе больше не верю.

– И не надо, – сообщил я, улыбаясь, и опять привлек ее к себе.

Через час мы выбрались по тропке обратно на пляж и уже в обнимку направились к автобусной остановке.

Наши изменившиеся отношения на работе заметили на следующий же день. Узнал об этом, когда меня зазвала к себе Наталья Петровна.

– Саша, мне надо с тобой серьезно поговорить. Не догадываешься, о чем?

Я пожал плечами:

– Не знаю, может, по работе.

Директор досадливо поморщилась:

– У тебя все шуточки, нет, не по работе. Скажи, пожалуйста, какие отношения у тебя с Леной Сафоновой?

– Хорошие.

Наталья Петровна начала медленно свирепеть:

– Не строй из себя дурака, я сейчас спрашиваю тебя не как директор, а как близкая подруга ее тети, считающая себя ответственной за племянницу. Ты переспал с ней? Ты вообще понимаешь, что наделал? Тебе семнадцать лет, дурак дураком. Она хоть и старше на год, ничем тебя не лучше. А если она забеременеет?

– Наталья Петровна, во-первых, попрошу не лезть в мою личную жизнь, а во-вторых, честно говорю, что ничего подобного у нас не было. И вообще, откуда вы это взяли?

– Ой, можно подумать, это тайна великая, – фыркнула директорша. – Достаточно взглянуть на Ленку, и все сразу ясно. Хорошо хоть Агафья Тихоновна тоже не от мира сего, ничего не замечает.

– И все же, Наталья Петровна, вы ошибаетесь. Мне действительно очень нравится Лена, но ничего такого у нас не было, говорю еще раз.

– Ну, смотри, Сапаров, кто меня обманет, тот дня не проживет. Иди работай и помни, я за тобой наблюдаю. Лене только ничего не вздумай говорить, с нее станется мне скандал устроить. Но ты и жук! Холера этакая! Надо же так девчонку в себя влюбить, та совсем голову потеряла, – сказала директорша напоследок.

Когда бармен вышел, Наталья Петровна позвала к себе профорга:

– Ну что, Зюенька, совсем заврались в своих сплетнях.

– Каких конкретно, уточните, пожалуйста.

– Как каких? Про Сафонову Лену и Сапарова.

– Так какая же это сплетня, Ленка третий день в облаках витает, даже посетителей временами не слышит. Вы как будто не знаете, когда такое бывает.

– Короче, бывает, не бывает, а языки прищемите. Нечего небылицы распускать.

– Нечего так нечего, – согласилась Зоя. Но все равно осталась при своем мнении, что девушка может так себя вести, если ее очень неплохо наладили.

Я стоял за стойкой и вел глубокомысленный разговор со своим приятелем, Вовкой Третьяковым. Он ухитрился не поступить на самый непрестижный факультет нашего вуза, сельскохозяйственный. Помня о словах майора из военкомата, он даже не пытался устроиться на работу, а болтался, ожидая призыва.

Денег у него не было, поэтому приходилось наливать ему за счет заведения. Наглеть он не наглед, но раз в неделю заходил обязательно.

Сейчас мы с ним разговаривали о смысле жизни.

– Смотри, Сашка, нам в школе мозги компости́ровали: надо поступать, надо поступать. Получите высшее образование и будете в шоколаде. Ты тоже бубнил два года: буду на физмат поступать, физиком стану.

А сейчас работаешь барменом. Денег полный карман, блат везде. Лена у тебя вообще отпад, красавица. Даже со мной, как скажу кому, что у меня друг бармен, сразу начинают по-другому разговаривать. Получается, все в жизни не так, как нас учили.

Возьми Феликса Прохорова, соседа моего. Он после восьмого класса пошел учиться в ПТУ. Я тогда удивлялся, чего он десятилетку не хочет окончить. А он сейчас холодильники и кассовые аппараты у вас в тресте кафе и столовых чинит. Сыт, пьян и нос в табаке. Я к нему недавно домой зашел, так у него стеллаж с новыми книгами стоит. Таких книжек в магазине не продают. Одни собрания сочинений.

Я засмеялся. Прохоров недавно был у меня в баре, чинил холодильник. Пообедал у нас и позлословил насчет Третьякова, мол, тот, мог бы и поработать два-три месяца, вместо того чтобы валять дурака и трясти родителей на бабки.

Сейчас что-либо объяснять другу было бессмысленно. До известных событий оставалось еще двадцать три года, целая жизнь, и все эти годы работники торговли, снабжения будут оставаться привилегированным классом. Хотя пока попасть в него не составляет никакого труда, правда, на должности простых продавцов, официантов и прочей шелупони. Хотя, что там говорить, даже рубщик мяса в магазине сейчас значительная фигура в городской иерархии.

Тут мне в голову пришла неожиданная мысль.

– Слушай, Володя, давай тебя на работу устроим, – предложил.

Вовка от неожиданности хлебнул лишнего и закашлялся.

– Да ну нах! Не хочу я работать, меня, может, в конце сентября в армию призовут.

– А если не призовут, чего будешь делать? Мама-то твоя ничего не скажет, а батя у тебя бывает суров, наслушаешься всякого.

– Ну и куда ты меня запихнуть хочешь? – полюбопытствовал приятель.

– Тут у нас через дорогу плодоовощной магазин, его директорша недавно плакалась, что не может найти грузчика-фасовщика, за этот год несколько алкашей выгнала. Тебе-то какая разница, кем два-три месяца работать. Зато одни женщины вокруг, прямо как у меня. – Я незаметно кивнул в сторону Зины Бахиревой, несущей поднос с заказом.

Вовка глянул в ее сторону и решительно выдохнул:

– Согласен, когда пойдем устраиваться?

– А чего идти, – удивился я. – Евгения Ивановна вскоре на обед к нам зайдет, тогда и поговорим.

– Вот-вот, – вернулся Вовка к старой теме. – Ты теперь всех директоров торговых точек знаешь, за руку с ними здороваешься.

– А тебе кто мешает? – удивился я. – Начнешь работать в магазине, сначала фасовщиком, зарекомендуешь себя, в продавцы могут перевести. Поступишь на заочное отделение, получишь диплом, все пути открыты.

– Что-то у тебя слишком легко получается, – проворчал друг. Но я заметил, что нарисованные мной перспективы ему пришлись в нос.

Евгения Ивановна без особых сомнений согласилась взять Вовку на работу, расстроил ее только один факт, что нового работника почти стопроцентно заберут в армию.

Довольный Третьяков понесся домой за документами, я продолжил работу, когда в бар заглянул возбужденный Виноградов. Обычно в свой выходной день он в баре не появлялся.

– Привет, – сказал он, подходя к стойке и дыша легким запахом перегара. – Слышь, Санек, мне тут одну лабуду предлагают. Ты умный парнишка, может, что посоветуешь. Стоит связываться, не стоит, да по цене тоже, чтобы не пролететь.

– Ну, и чего тебе предлагают? – уныло спросил я, все мои чувства вопили, что дело пахнет керосином.

– Двадцать штук икон, – громким шепотом на весь бар сообщил Гена.

– Не здесь, – сквозь зубы процедил я, мельком оглядывая зал. Вроде бы никто на неосторожные Генкины слова не отреагировал. Я позвал Лену и попросил подменить меня на пятнадцать минут.

Не успели мы зайти в подсобку и закрыть за собой дверь, как Виноградов начал возмущаться.

– Саня, что за дела? Ты чего так зассал? Сейчас, говорят, на иконах можно денег поднять прилично. А мне надежный приятель дело предложил. Он в деревню в глухомань, Пудожский район, ездил, там у него бабка умерла. Он, когда шарил по дому, иконы на чердаке нашел, да еще в окладах серебряных. Говорит, хотел в музей продать, так ему там по пять рублей за икону обещали. Я бы у него все оптом забрал, потом финикам втюхал или морякам, они в загранку пойдут, там найдут куда деть.

– Гена, скажи, пожалуйста, тебе денег не хватает? – спросил я. – Насколько мне известно, у тебя капуста на руках прилично остается. Зачем тебе эти проблемы? Сам подумай, если бы тебе одну икону предложили, ну две, это понятно. Но то, что он двадцать икон на чердаке нашел, вранье. Дурит он тебя. Разводит по полной программе.

– Чего делает? – переспросил Генка.

«Тьфу! – ругнулся я про себя. – Опять жаргон не тот».

– Ну, наё...вает он тебя, понял? Скорее всего, грабанули они какую-нибудь церквушку, а тебе ворованный товар хотят сбыть.

– Ну, и что, – не понял Виноградов. – Не я же крал, мне до фени.

Я усмехнулся.

– Так ты скупщик краденого получаешься, для таких умных тоже статья предусмотрена. А финнам толкнешь – уже КГБ тобой займется.

Вообще меня проблемы Виноградова не волновали. Взрослый парень, отслуживший армию, пусть разбирается со своими вопросами сам, просто не хотелось, чтобы у нас на работе начались всяческие разборки с правоохранительными органами. Хватало и без них пожарных, СЭС и прочих товарищей.

Я отработал всего полтора месяца и то знал их всех в лицо.

– Короче, Гена, я тебе советую не лезть в это дело, через неделю весь город будет знать, что бармен в «Кавказе» иконами фарцует. Других советов, извини, дать не могу. А сейчас извини, мне работать надо, – с этими словами я поднялся и направился в бар.

Виноградов в раздумьях поднялся и пошел вслед за мной.

«Генка уйдет, сразу сбегаю, позвоню из автомата Незванцеву, – думал я, потряхивая шейкер. – Тут такое дело, хрен его знает, может, Генку втемную меня задействовали проверить, а может, и не втемную. В любом случае надо звонить, даже если никто никого не проверяет. Сто процентов Генкин друган церковь грабанул. Просто не принято сейчас писать об этом в прессе. А мне точно неприятности не нужны».

По сумрачному лицу трезвеющего Виноградова было трудно определить, что он решил. Было бы неплохо, если бы он послал своего приятеля куда подальше. Но это была уже не моя забота.

Через час я стоял в ближайшей телефонной будке и разговаривал с Незванцевым.

– Валера, с комсомольским приветом! Это Александр Сапаров. У меня есть новости для нашего общего знакомого. Ну, и хотел бы переговорить на интересную тему, но это тоже не телефонный разговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.